

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ЧЕРНАЯ ЛИНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Жан-Кристоф Гранже

Черная линия

«Азбука-Аттикус»

Гранже Ж.

Черная линия / Ж. Гранже — «Азбука-Аттикус», — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-03814-1

В Юго-Восточной Азии жестоко убита девушка, датская туристка, – ее изуродованный труп обнаруживают в хижине, где живет в уединении бывший чемпион мира по дайвингу Жак Реверди. Однажды спортсмена уже подозревали в тяжком преступлении, но освободили за недостатком улик. Реверди упорно молчит, и его помещают в психиатрическую лечебницу. Заинтересовавшись личностью предполагаемого убийцы, журналист Марк Дюпейра затевает жестокий эксперимент: он начинает писать подозреваемому письма от имени юной наивной девушки, пытаясь вызвать его на откровенность.

ISBN 978-5-389-03814-1

© Гранже Ж.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Контакт	5
1	5
2	7
3	9
4	18
5	21
6	25
7	29
8	34
9	39
10	44
11	47
12	52
13	55
14	58
15	61
16	65
17	67
18	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Жан-Кристоф Гранже

Черная линия

Контакт

1

Заросли бамбука.

Благодаря им он нашел тропинку в шелестящем море зелени и добрался сюда. Растения подсказывали ему путь, – нашептывали ему, как следует поступать. Так было всегда. В Камбодже. В Таиланде. И здесь, в Малайзии. Листья касались его лица, звали его, подавали ему сигнал...

Но сейчас эти друзья обернулись врагами.

Сейчас они поймали его в ловушку. Он не знал, как это случилось, но бамбуковые стебли приблизились, сомкнулись, превратились в герметичную камеру.

Он попытался просунуть пальцы в дверную щель. Невозможно. Он стал царапать пол, чтобы раздвинуть доски. Напрасно. Он поднял глаза и не увидел на потолке ничего, кроме тщательно пригнанных пальмовых листьев. Сколько же времени он не дышал? Минуту? Две минуты?

Кругом было жарко, как в парилке. Пот тек по его лицу. Он сосредоточился на стене: каждая щель была заполнена волокнами ротанга. Если ему удастся распутать одну из этих нитей, может быть, сюда проникнет воздух. Он попытался сделать это двумя пальцами – бесполезно. Через несколько секунд он принялся царапать стену, ломая ногти. Он с бешенством ударил по стене и упал на колени. Он сдохнет. Он, мастер апноэ, сдохнет в этой хижине из-за нехватки кислорода.

Тогда он вспомнил о настоящей угрозе. Он бросил взгляд через плечо: к нему тянулись темные полосы – медленно, тяжело, как потеки гудрона. Кровь. Она вот-вот настигнет его, поглотит, удушит...

Он со стоном вжался в стену. Чем больше движений он совершал, тем сильнее ощущал, как в нем нарастает желание сделать вдох, – нехватка воздуха терзала его легкие, поднималась к горлу, словно пропитанный ядом комок.

Он опустился на четвереньки и пополз вдоль стены, надеясь найти хоть маленький зазор между ней и полом. Так он пополз немного, словно животное, а потом снова обернулся. Кровь была всего в нескольких сантиметрах. Он взвыл, прижавшись спиной к стене, вдавив пятки в пол, отчаянно пытаясь отодвинуться.

Под нажимом его спины стена поддалась. В камеру белой струей хлынула смесь пыли и соломы. Чьи-то руки оторвали его от пола. Он услышал голоса, крики, приказы на малайском языке. Он увидел перед собой пальмы, серый песок пляжа, ярко-синее море. Он вдохнул полной грудью. В воздухе пахло рыбой. В его мозгу вспыхнули два слова: Папан, Китайское море...

Чьи-то руки уносили его, какие-то люди заглядывали в хижину. Удары кулаков, уколы гарпунов. Он безразлично сносил все. Он думал только об одном: теперь, когда его освободили, он хочет увидеть ее.

Источник крови.

Обитательницу полумрака.

Он посмотрел в сторону сорванной двери. В глубине хижины к позорному столбу была привязана обнаженная молодая женщина. Десятки ран покрывали ее тело – бедра, руки, торс,

лицо. Из ее тела выпустили кровь. Его вспороли, искололи, изрезали, чтобы кровь изливалась на землю медленным и непрерывным потоком.

В этот момент он понял истину: эта мерзость была делом его рук. Ни крики, ни удары, сыпавшиеся на его лицо, не мешали ему сознавать ужасающую реальность.

Это он убийца.

Тот, кто учинил эту резню.

Он отвел глаза. Озлобленная толпа рыбаков спускалась к пляжу, волоча его за собой.

Сквозь слезы он увидел веревку, качавшуюся на ветке дерева.

2

[Специальный репортаж] СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА В ТРОПИКАХ?

«7 февраля 2003 года. Одиннадцать часов утра по местному времени. В Папане, маленькой деревушке на юго-восточном побережье Малайзии, в этот день все идет, как обычно. На дороге, тянущейся вдоль широкого песчаного пляжа, можно увидеть туристов, торговцев, моряков. Внезапно раздаются крики. Под пальмами появляются возбужденные рыбаки. Некоторые из них вооружены: палки, гарпуны, крючья...

Они бегут по кромке пляжа и поднимаются в лес на склоне холма. В их глазах читается ненависть. Их лица пышут яростью, жадной убийства. Вскоре они достигают еще одного холма, где обычные джунгли переходят в бамбуковую рощу. Тут они сдерживают себя, идут молча. Они только что обнаружили то, что искали: замаскированную крышу хижины. В полной тишине они приближаются. Дверь закрыта. Без малейшего колебания они всаживают свои гарпуны в стену и выламывают дверь.

То, что они видят, похоже на ад. Мужчина, *mat salleh* (белый), обнаженный до пояса, в состоянии транса скорчился возле порога. В глубине хижины к столбу привязана женщина. Ее тело – одна сплошная рана. У ее ног лежит оружие преступления: нож ныряльщика.

Рыбаки хватают преступника и волокут его к пляжу. Они уже приготовили виселицу. Именно в этот момент ситуация резко меняется: появляются полицейские из Мерсинга, города, расположенного в десяти километрах к северу от Папана. Получив сигнал от свидетелей, они прибыли на место вовремя, чтобы помешать линчеванию. Человека спасают и сажают в камеру в центральном комиссариате Мерсинга.

Эта невероятная история произошла три дня назад недалеко от границы с Сингапуром. Надо заметить, что она не так необычна, как это, может, кажется на первый взгляд. Случаи самосуда до сих пор нередки в Юго-Восточной Азии. Но на сей раз главной неожиданностью стала личность подозреваемого. Это француз. Его зовут Жак Реверди, и человек он не простой. Бывший спортсмен, пользовавшийся всемирной известностью, в 1977–1984 годах он неоднократно устанавливал мировые рекорды по глубоководному погружению без акваланга в категориях «без границ» и «постоянный вес».

С середины восьмидесятых он ушел из большого спорта и уже более пятнадцати лет живет в Юго-Восточной Азии. Сейчас ему сорок девять лет, он работает тренером по дайвингу и разъезжает между Малайзией, Таиландом и Камбоджей. По свидетельствам знакомых с ним людей, это улыбчивый и приветливый, но в то же время одинокий человек, предпочитающий жизнь в стиле Робинзона Крузо в отдаленных бухтах. Что же произошло седьмого февраля 2003 года? Каким образом в хижине, где он жил уже несколько месяцев, оказался труп молодой женщины? И почему малайские рыбаки готовы были немедленно расправиться с ним?

В 1997 году Жака Реверди уже задерживали в Камбодже за убийство молодой немецкой туристки Линды Кройц. За недостаточностью улик его отпустили. Но это дело получило громкую огласку в Юго-Восточной Азии, и когда он обосновался в Папане, местные жители узнали его. И постоянно

наблюдали за ним. Когда люди заметили, что он приглашает в свою хижину датчанку по имени Пернилла Мозенсен, их мгновенно охватили беспокойство и страх. В течение нескольких дней молодая европейка не показывалась в деревне. Этого было достаточно, чтобы возникли подозрения и разыгралось воображение...

Согласно первым сообщениям, врачи Клинического госпиталя в Джохор-Бахру насчитали на теле Перниллы Мозенсен двадцать семь ран, нанесенных «холодным режущим и колющим оружием». Раны покрывали ее конечности, лицо, горло – и область половых органов. На пресс-конференции девятого февраля эксперты отмечали «патологическую жестокость».

Журналисты в Малайзии уже говорят об «амоке», убийственном безумии магического происхождения, поражающем людей в этих краях.

Проведя ночь в Мерсинге, Реверди был переведен в психиатрическую клинику в Ипохе, самый известный центр такого рода в Малайзии. С момента задержания он не произнес ни слова: судя по всему, он пребывает в шоке. По словам медиков, такое посттравматическое оцепенение не должно продлиться долго. Создается ли он в содеянном, когда придет в себя? Или, наоборот, будет пытаться снять с себя вину?

Мы, сотрудники «Сыщика», дали себе слово, что прольем свет на это дело. На следующий день после ареста Жака Реверди мы отправились в Куала-Лумпур, где намереваемся пройти по его следам. Наша команда надеется понять, действительно ли человек превратил этот изумрудно-бирюзовый рай в территорию охоты. Мы хотим проследить его маршрут и выяснить, не было ли на его пути других смертей...

В данный момент мы уже имеем информацию из эксклюзивных источников, дающих понять, что разоблачения только начинаются. Уже в следующем номере вы узнаете гораздо больше о том, что скрывалось за обликом этого зловещего «короля волн».

Марк Дюпейра,

специальный корреспондент «Сыщика» в Куала-Лумпуре

3

Прочитав последние строки своей статьи, Марк Дюпейра улыбнулся.

«Команда», которую он упомянул, состояла из него одного, а «путешествие» не вывело его за пределы Девятого округа. Что касается «эксклюзивных источников», то за них сошли несколько звонков в агентство «Франс Пресс» в Куала-Лумпуре и малайские ежедневные издания. Вот уж действительно, было бы из-за чего перья ломать! Он открыл свою электронную почту, написал несколько строчек главному редактору, Вергенсу, и прикрепил к этому тексту свою статью. Потом подключил ноутбук к первой попавшейся телефонной розетке и отправил письмо.

Глядя на уведомление об отправке сообщения, появившееся на экране, он погрузился в размышления. Все эти мелкие погрешности против истины были самым обычным делом. «Сыщик» никогда не отличался особой щепетильностью. Однако Вергенс потребует большего: его журнал, специализирующийся на чрезвычайных происшествиях, обязан намного опережать другие издания. Так что Марк, скорее всего, не успел вскочить в отходящий поезд...

Он потянулся и взгляделся в окружающий его золотистый полумрак: кожаные кресла и начищенная медь. Уже много лет назад Марк облюбовал в качестве своей штаб-квартиры бар роскошного отеля возле площади Сен-Жорж. Он выбрал это место, потому что оно находилось в нескольких сотнях метров от его офиса, он обожал царившую в нем атмосферу английского паба, где запах кофе мешался с дымом сигар, куда приходили звезды, чтобы спокойно ответить на вопросы интервьюеров.

Существовала и более глубокая причина такого выбора: он не мог работать в одиночестве. Еще в студенческие, даже в школьные годы он писал сочинения, устроившись в уголке переполненного кафе, среди шума, под облаками пара, вырывавшегося из кофеварок. Эта атмосфера помогала ему преодолеть страх перед писанием. И перед самим собой. Марк побаивался одиночества. Пустого дома, куда может пробраться незнакомец, замысливший убийство. Внезапно его пробрал холод; словно озноб пробежал по телу. Ему сорок четыре года, а он никак не расстанется с мальчишескими страхами.

– Будете еще что-то заказывать?

Официант в белой куртке обратился к нему снисходительно, окинув недовольным взглядом документы, разложенные на двух столах.

– Это бар, мсье, а не библиотека.

Марк порылся в кармане, но нашел там всего несколько монет. Официант добавил с иронией:

– Может быть, кофе? И стакан воды?

– И стакан воды. Обязательно.

Официант отошел. Марк посмотрел на лежащие на ладони монетки евроцентов. Они слабо поблескивали под лампами, красноречиво свидетельствуя о его финансовой ситуации. Он провел в уме ревизию своих личных ресурсов и не выявил ничего. Ни в банке, ни в заголовке. Как он дошел до такого? Он, еще лет десять назад один из самых высокооплачиваемых парижских репортеров?

Он поставил одну монету ребром на стол и щелчком закрутил ее. Верчение навело его на мысль о волшебном фонаре, который мог бы показать его жизнь в виде фильма. Как назвать этот фильм? Подумав несколько секунд, он сделал выбор: «История наваждения».

Преступного наваждения.

А между тем все началось с невинности.

С фортепьяно. Подростком Марк испытывал твердую уверенность: его существование будет расписано как по нотам. Занятия музыкой в лицее. Парижская консерватория. Концерты и записи пластинок. Но, будучи пианистом, Марк в то же время стремился быть и прагматиком. Он отвергал любой пафос, любые романтические отклонения. Играя «Гольдберг-вариации» Иоганна Себастьяна Баха, он никогда не пользовался педалью, подчеркивая механический, математический характер музыки, ее контрапункты. Исполняя Шопена, он старался не преувеличивать «рубато» левой руки, из-за которого отрывок мог начать раскачиваться, словно старая лодка, зачерпнувшая воды. А когда дело доходило до Рахманинова, ему нравилось выделять напряженную, прямолинейную дуольную мелодию на фоне триолей аккомпанемента.

Тогда под его пальцами рождалась уверенность. Он не предвидел ни единой фальшивой ноты в своей судьбе. И тем не менее она прозвучала. С разрушительной жестокостью, весной 1975 года. Смерть д'Амиго, ближайшего друга, с которым он делил свои лучшие лицейские годы, превратила его существование в хаос. Впрочем, сознание Марка отказалось воспринимать случившееся. Он впал в кому и пришел в себя только через шесть дней. Очнувшись, он ничего не помнил. Ни как нашли тело, ни часы, предшествовавшие этому.

Очень быстро он осознал, что происшествие не просто потрясло его. Последствия драмы были не явными, но ужасными. Его восприятие музыки изменилось. Теперь он испытывал к роялю болезненную неприязнь, отвращение, мешавшее ему – нет, не играть, а вкладывать душу в исполнение. Внутренний надлом все усиливался. И образовавшаяся расщелина поглощала все надежды. Консерватория, конкурсы, концерты... Он ничего не сказал ни родителям, ни психиатру, наблюдавшему его с момента потери сознания. Кое-как он сдал экзамен на степень бакалавра музыки. Но какой-то механизм в нем сломался. Он больше не мог надеяться, что будет отличаться от других виртуозов, сможет внести что-то новое в великую историю исполнительского искусства. За неимением лучшего, он выбрал литературу и поступил в Сорбонну.

Он учился в магистратуре, когда умерли его родители. Один за другим. Оба от рака. Марк, еще не опомнившийся от собственной травмы, наблюдал за этой трагедией отстраненно. По правде говоря, он никогда не испытывал особенной привязанности к двум фармацевтам из Нантера, не понимавшим его амбиций. Мысль о родителях неизменно вызывала у него ассоциацию с пачкой денег, схваченной двумя пластмассовыми скрепками. Ничего общего с его мечтами музыканта-бессребреника. Кроме того, у Марка имелась сестра, воспитанная в тех же мелкобуржуазных традициях, которая и поспешила взять аптеку в свои руки. Передача эстафеты, передача денег.

Марк дописал свою диссертацию на соискание степени магистра «Апулей или метаморфозы глагола», потом начал искать работу. Он как следует поработал, составляя свое резюме. Он казался самому себе потерпевшим кораблекрушение, рассылающим по морю бутылки – только не с записками, а с броскими этикетками внутри. Кому в современном профессиональном мире мог быть нужен специалист по неоплатонизму? Он перебрал все области, где могло бы пригодиться его перо: журналистику, рекламу, издательское дело... Все они оставляли его глубоко равнодушным: он по-прежнему страдал от своей раны. От разлуки с фортепьяно.

Случилось чудо. Ему пришел положительный ответ из провинции. Скромная газетенка в Ниме, но главное заключалось в другом: ему собирались платить за написанное! Он целиком отдался новой работе. Он полюбил юг Франции и обнаружил, что все яркие клише, относившиеся к этому региону, соответствуют действительности. Солнце, золото равнин, пастельные тона цветущей лаванды или розмарина. Подобно тому, как белье пропитывается ароматом от маленького саше из сухих трав, положенного в ящик, он проникался новыми ощущениями от окружающего. Он вдыхал запахи; приглушенная, потаенная мягкость достигала самых глубин его существа.

Шли годы. Он добился успеха, стал больше зарабатывать. Он продал сестре принадлежавшую ему долю родительской аптеки и купил дом в окрестностях Соммьера. Там у него сло-

жился круг друзей, круг привычек, круг «невест». В тридцать лет он уже ощущал себя стопроцентно «местным». Драма с д'Амиго казалась такой далекой, литературная работа занимала всю его жизнь, и теперь, разумеется, он вынашивал проект романа. Каждое утро он просыпался пораньше, чтобы поработать над «шедевром». Но самое главное, терзания почти оставили его. Он по-прежнему посещал психотерапевта в Ниме, и кошмары отступали. Красное, то красное, что временами заполняло все уголки его мозга, размылось настолько, что казалось, вот-вот растворится в сиянии утреннего света.

Незаметно для него самого новый яд начал отравлять его жизнь: рутина. Обыденность, сужая свои концентрические кольца, грозила задушить его. С каждым днем он увязал в ней все глубже. Он стал просыпаться позже – только-только к утренней «летучке». По вечерам он включал телевизор, оправдывая себя тем, что весь день «вкалывал как проклятый». Мало-помалу мелкие, но вполне насущные заботы профессиональной жизни возобладали над мечтами о писательской славе. Он привык больше есть, располнел, полюбил бездельничать. Он даже начал снова играть на рояле, но исключительно забавы ради.

И тогда он встретил ее.

Вначале он ее попросту не заметил. Так бывает при психологических тестах, когда испытуемому дают «неправильные» игральные карты – красный пиковый туз, черную бубновую десятку, а он не замечает этого и принимает их за обычные карты. Марк воспринял Софи как часть окружающего мира и не сумел заметить ее «особость».

Она была «неправильной» картой, вот и все.

Он познакомился с ней в Сеньоне, в природном парке Люберона, на открытии археологического заповедника. Там в меловом гроте нашли окаменевшие останки доисторических животных. В тот день Софи заговорила с ним: она отвечала за связи с общественностью в фонде, финансировавшем мероприятие. Он ее не заметил. Красная дама трэф. Черная дама червей. Ей пришлось проявить настойчивость, пригласить его несколько раз на другие предприятия, финансировавшиеся ее фондом, чтобы он наконец понял.

Софи в точности соответствовала его идеалу женщины.

Именно ее образ всегда витал в его подсознании. Тайная мечта, которую он не осмеливался конкретизировать, опасаясь, как бы она не исчезла при соприкосновении с его мыслями. Даже сегодня он не мог бы описать ее. Высокая, темноволосая, четкая и призрачная одновременно. Он помнил только идеальную уравновешенность. Совершенную грацию. Он всегда думал (а теперь получил подтверждение своим мыслям), что ни цвет волос, ни оттенок и фактура кожи не играют никакой роли. Значение имеет только гармония целого. Чистота линий, четкость рисунка. Подобно чуду мелодии, которую можно сыграть на любом инструменте, не потеряв при этом выраженных в ней чувств.

Невозможно сказать, что покорило его: ее ум или ее личность, потому что все, абсолютно все в ней – ее замечания, ее решения, ее поведение – было пронизано все той же невыразимой грацией. Он не слушал ее: он парил. Он не любил ее: он ей поклонялся. У него осталось лишь одно желание: жить возле нее, следовать за этой красотой до конца, подобно паломнику, идущему к своей святыне. Он хотел видеть, как у нее появятся морщинки, он хотел приручить ее красоту, не пытаясь ни понять ее, ни познать ее тайну. Он просто надеялся приобщиться к ее истории, как священник приобщается к вере через молитвы, не пытаясь проникнуть в промысл Божий.

Он кинулся работать с удвоенной энергией. Уже два года он был корреспондентом крупного парижского фотоагентства. Как только в его регионе назревало «событие», способное приобрести общенациональное значение, он сразу предупреждал центральный офис, и к нему высылали фотографа. Благодаря этой работе он свел знакомство с лучшими фотомастерами. Людьми, которые постоянно путешествовали, которые жили в ином масштабе реальности.

Теперь Марк предложил им сотрудничество – пресловутый тандем журналиста и фотографа – на международной арене.

Ему оказали доверие. Он стал ездить, писать на самые разные темы. Народы далеких стран, безумные миллиардеры, войны между преступными группировками: ему подходило все. С одним условием: глянцева бумага должна гарантировать новизну, нечто невероятное, выброс адреналина. Он получал все больше. И все больше рисковал. Он продал дом в Сомьере и вернулся в Париж. Конечно, Софи поехала с ним – впрочем, все это было ему предначертано судьбой. Как ни странно, он нуждался в командировках, чтобы приблизиться к ней, чтобы добавить огня в их повседневную жизнь, чтобы возвысить их близость. Перед ее красотой ему оставалось только стать героем. Равновесие прежде всего.

В конце 1992 года Марк работал над важным репортажем о сицилийской мафии. Ему предстояло побывать в нескольких городах: в Палермо, Мессине, Агридженто. Он уговорил Софи присоединиться к нему в конце поездки в Катании, у подножия Этны.

Именно там, в городе у вулкана, повторилась драма.

Софи пропала четырнадцатого ноября 1992 года. Он никогда не забудет эту дату. Женщину-божество, Пифию поглотил тот же цвет, что и д'Амико. Красный. Во всяком случае, так ему казалось, потому что он ничего не помнил. Когда он нашел ее тело, он потерял сознание и провалился в сон без сновидений. Все произошло точно так же, как в первый раз. Находка. Шок. Кома.

Он очнулся в клинике. Ему очень осторожно объяснили, что случилось. Прошло два месяца. Его перевезли в Париж. Софи похоронили в ее родном городке, недалеко от Авиньона. Марк больше не мог говорить. Старые призраки оживали вокруг него: его сестра, специалисты по амнезии, психиатр, лечивший его в первый раз. Он слушал их, ел, спал. Но ощущал лишь одно: вкус цемента во рту, как после долгого общения с дантистом. Этот вкус преследовал его, заполнял его целиком, парализовал. Он превращался в каменного истукана. Неспособного ни думать, ни реагировать.

Пришлось ждать две недели, прежде чем он смог встать. Он посмотрелся в зеркало, и ему показалось, что он просто похудел. Его кожа приобрела цвет гипса, а изо рта шел все тот же запах известки.

Спустя месяц его мысли наконец упорядочились. Он понял, что потерял все. Не только Софи, но и последние воспоминания о Софи. Именно эта черная дыра преследовала его, когда он бродил в пижаме по больничным коридорам. Этот разрыв во времени, эта пустота, которая всегда будет с ним и которую нельзя будет ничем заполнить.

Позже он оценил степень метаморфозы, произошедшей с ним самим. Со смертью д'Амико он утратил вкус к музыке. На сей раз он утратил вкус к жизни, к будущему, к какой бы то ни было деятельности. Он лег в специальную клинику, заплатив за лечение деньгами от продажи дома в Сомьере. Шли месяцы. Глядя в зеркало, Марк отмечал, что все худеет и худеет. Мертвенно-бледное лицо, выступающие скулы. Он становился нематериальным – он утрачивал вес в мире, ждавшем его за стенами клиники.

Впрочем, ему удалось найти новый путь: цинизм.

Оправиться от смерти Софи – это означало оправиться от самого худшего. Итак, он снова займется своим делом, но уже без малейшей щепетильности, без малейших иллюзий. Он будет работать ради денег. Он достаточно изучил мир средств массовой информации и прекрасно понимал, что по-настоящему прибыльной может быть лишь одна тема: подробности жизни знаменитостей. В то утро он улыбнулся своему отражению в зеркале, своим едва заметным усикам, которые отпустил, чтобы немного оживить свое лицо аскета.

Поскольку надежды у него уже не оставалось, он решил пожинать плоды своего отчаяния. Он станет папарацци.

Журналист не мог опуститься ниже. Папарацци – это самое дно. Никаких принципов, никаких ценностей: дозволено все, что может принести деньги. В то же время эта работа требовала напряжения, адреналина, хитроумных расследований. Более того: приходилось прятаться, маскироваться, обманывать. Не говоря уже о более реальном риске: в этой профессии уже нельзя было обойтись без «мордобоя», без уничтожения материала. Этого он и хотел. Он не фотограф, но ему не будет равных в проведении расследований.

Он – охотник за скальпами.

Через несколько лет он стал одним из лучших в своей профессии. Иными словами, одним из худших. Разгребатель дерьма, лжец, интриган. Он скатился в некую непонятную среду – в этом болоте он мыл свое золото. Он общался с проститутками высокого полета, с запутавшимися в долгах легавыми, с полусветскими информаторами – со всей швалью, барахтавшейся в сточных канавах высшего общества. Он научился подмазывать консьержей, шоферов, врачей. Он стал специалистом по копанию в помойках, а также по проникновению на вечеринки для избранных.

Вскоре его прозвали «взломщиком». Он мастерски выкрадывал семейные фотографии людей, по той или иной причине оказавшихся на авансцене общественной жизни. Родители ошеломлены популярностью, свалившейся на их ребенка? Он приходит к ним, улыбающийся, приветливый, и украдкой прихватывает фотографии с каминной полки. Отец и мать не могут оправиться от убийства маленькой дочки? Он выражает сочувствие, но, пользуясь общим отчаянием, успевает порыться в обувной коробке, где хранится семейный архив.

Если нужно было сделать «правдивые» снимки, он сотрудничал, в зависимости от темы, с лучшими фотографами, часто зарубежными. Наклеивается по-настоящему горячий сюжет в Монако? Он вызывал альпиниста, способного проникнуть в княжество по прибрежным утесам, минуя таможню. Нужен моментальный снимок обнаженной груди Офелии Уинтер? Он добывал самого ловкого фоторепортера – одного из виртуозов, работавших на Олимпийских играх, сумевшего поймать блестящий кадр на старте стометровки. Снять ночную сцену с высоты в восемь тысяч метров? Это стоило обсудить с фотографом-анималистом, специалистом по ночным съемкам и при этом – гениальным умельцем, придумавшим инфракрасный объектив.

В 1994 году он наконец нашел себе идеального партнера, эффективно работавшего в любом жанре. Венсан Темпани, длинноволосый, вечно возбужденный сквернослов огромного роста, мог сидеть в засаде ночи напролет и делал отличные снимки в любых обстоятельствах. Дитина ростом метр девяносто, он мог, в случае необходимости, справиться с любыми телохранителями и нимало не боялся открыто нарушать закон – с ним вдвоем они неоднократно забирались в дома звезд. Рискованно, зато прибыльно.

Одетые в «бомберы» – зеленые куртки английских летчиков, в черные вязаные шапочки, они напоминали солдат элитных подразделений и, по сути дела, проводили настоящие десантные операции. Их повседневная жизнь была бурной, они постоянно находились на взводе. Ветер дул им в паруса. В середине девяностых годов французские журналы ожесточенно конкурировали друг с другом в описаниях светской жизни. «Пари-Матч», «Вуаси», «Гала», «Пуэн де Вю» вели открытую войну за лучшие снимки.

Они заработали целое состояние.

Но Марк вкалывал не ради денег. Он только-только купил себе за наличные однокомнатную квартиру в Девятом округе, но даже не потрудился ее обставить. Он искал другого – забвения. Единственное, чем он гордился, так это тем, что ценой невероятных усилий заставил отступить свои кошмары и загнал образ Софи в самый далекий уголок сознания. По сути дела, он ничего не уладил. Но все же кое-чего достиг. Он с гордостью носил обличье негодяя.

Марк был из тех, кто выживает.

А те, кто выживает, имеют право на все.

1997-й год. Марк и Венсан метались с острова Мустик в Гштаадт, из поместья Спероне на Корсике во Флориду, в Палм-Бич. Остановиться они не могли: лихорадка погони за знаменитостями достигла своего апогея. Марк чувствовал, что это не продлится вечно. Ветер изменится, не только для них, но и для всех остальных. Журналы не выдерживали потока нескромных фотографий. А также потока судебных повесток, приходивших следом за каждой публикацией. Знаменитости все чаще устраивали скандалы, выступали с заявлениями в других изданиях. А читатели начинали испытывать неловкость от бесконечного подглядывания в скважину. Предел терпимости был уже близок.

Марк представлял себе постепенный отход от дел, затяжное падение. Он не мог предвидеть, что это падение совершится в один миг. Страшный, как нож гильотины.

Таким ножом стала ночь тридцатого августа 1997 года.

Марк никогда не интересовался леди Дианой: слишком большая конкуренция. Он предпочитал работать один, над более сложными, более неожиданными темами. Поэтому он должен был бы узнать о ее смерти, как все остальные, утром тридцать первого, из радио- или телепередачи.

Но нет. Венсан позвонил ему в час ночи.

Марку потребовалось какое-то время, чтобы связать воедино все факты. Группа папарацци преследовала Диану и Доди Аль-Файеда по набережным Сены; авария в туннеле Альма. Венсан был среди фотографов, гнавшихся за «мерседесом». Он говорил по телефону быстро и валил все в одну кучу: тела среди покореженного железа, заблокированный клаксон, гудевший в туннеле, фотографы – одни продолжали снимать, другие пытались помочь пассажирам.

Марк понял, что это невысказанное происшествие знаменует окончание его карьеры – и его благосостояния. Но это в долгосрочной перспективе. А на текущий момент самое главное, что великан снял аварию. К тому же ему удалось удрать, когда остальных задержала полиция. На несколько часов Венсан становился единственным обладателем фотографий на медиарынке. Это целое состояние.

Марк мысленно задал себе вопрос: он мужчина или обыкновенный стервятник? Вместо ответа он услышал собственный ледяной голос:

– Ты снял на цифру?

Они договорились встретиться в редакции одного из крупнейших парижских журналов. Сперва Венсану предстояло срочно напечатать фотографии – он работал с обычной пленкой. Марк приехал в полтретьего. Увидев людей в куртках вокруг просмотрового стола, он понял, что ситуация осложнилась. Диана умирала в клинике «Питье-Сальпетриер». У нее дважды останавливалось сердце: сейчас шла операция.

Марк подошел к столу, на котором поблескивали снимки. Он ожидал увидеть растерзанную плоть, потеки крови на железе, картину чудовищной бойни. А увидел прозрачное, словно светящееся лицо принцессы. У нее немного опухли глаза, капля крови стекала по виску, но ее красота не пострадала. Несмотря на явные следы столкновения, она казалась поразительно юной и свежей. Это был настоящий ангел во плоти, покрытый синяками, ссадинами, кровью, и от этой подлинности сжималось сердце.

Самой страшной была другая фотография – без сомнения, последняя фотография Дианы в сознании. Вспышка выхватила ее взгляд, обращенный через заднее окно машины к догонявшим ее фотографам. В этом взгляде Марк прочел истину. Причиной смерти принцессы стала не ошибка водителя, даже не фотографы, гнавшиеся за ней этим вечером. Ей суждено было пасть жертвой долгих лет преследования, когда ее травили, выслеживали, и не только фотографы, но и весь мир. Ее должно было сгубить людское любопытство, та темная сила, что делала ее средоточием всех взглядов, всех желаний. Погоня, идущая испокон веков. Обратная сторона желания видеть и знать, вписанного в гены людей.

– Предупреждаю! Это я не продам.

Марк узнал фотографа, сказавшего эти слова: у того в глазах стояли слезы. Значит, именно он сделал снимок «через заднее окно», остальные, где Диана лежала среди обломков, принадлежали Венсану. Марк поискал его взглядом: великан казался испуганным, он переступал с ноги на ногу, сжимая в руке шлем.

Марк оглядел остальных – дежурных журналистов, заведующего фоторедакцией, поднятого среди ночи. В свете, шедшем снизу, от стола, их лица казались бледными, прямо-таки мертвенно-белыми. В этот момент никто из них не произнес ни слова, но они пришли к молчаливому соглашению: никто не будет ни продавать, ни публиковать эти снимки.

В четыре часа пришла новость: Диана умерла.

И тут началась настоящая лихорадка. Беспреданно звонили мобильники. Со всего мира поступали предложения от редакций. Цены росли. Марк краем глаза наблюдал за Венсаном и несколькими другими фотографами, приехавшими к тому времени с новыми снимками. Они так и стояли в куртках и нерешительно отвечали на звонки, понимая, что нашли золотую жилу. Иногда они смотрели на свои отражения в окнах редакции и, наверное, задавали себе тот же вопрос: я мужчина или стервятник? Марк выскользнул из здания в шесть утра, предварительно договорившись с Венсаном: они не будут ничего продавать.

Марк подходил к своей машине, когда у него зазвонил мобильный. Он узнал голос: его информатор из Управления криминальной полиции. «Диана. Мы ждем свидетельство о смерти. Тебя это интересует?» Марк представил себе бледное тело на операционном столе. Тело, которое он сам несколько лет назад осквернил, толкнув кому-то фотографии, на которых можно было разглядеть признаки целлюлита на бедрах принцессы. На снимках, опубликованных в увеличенном формате, «интересная» область была обведена красным. За этот репортаж на потребу широкой публики Марк положил в карман восемьдесят тысяч франков. Вот в каком мире он жил. Он дал отбой, не ответив.

Спустя час полицейский перезвонил. «Только что получили по факсу свидетельство. Есть результаты анализа крови. Не исключено, что она была беременна. Тебе по-прежнему не интересно?» Марк еще поколебался для вида, потом, повинувшись темному желанию достичь дна, сказал: «Жду тебя через тридцать минут в «Золотом солнце». Бумагу привезу». Кафе «Золотое солнце» было ближайшим от дома тридцать шесть на Набережной Орфевр¹. Что касается «бумаги», то на встречу с информатором всегда следовало приносить лист стандартного формата для ксерокса: в полиции использовалась бумага с характерными знаками, которая, в случае скандала, могла стать уликой.

Через час он держал в руке копию документа. Еще через два часа он предложил ее редакции одной из крупнейших парижских газет. Бесценное предложение. Но руководство колебалось: ничто не гарантировало подлинность свидетельства о смерти, а последствия могли быть очень и очень серьезными. В это самое время на улицах стали раздаваться требования линчевать папарацци и в целом средства массовой информации, «убившие Диану». Не дав твердого согласия на публикацию, редакция оплатила «гарантию» и подготовила макет – Марк, не выходя из здания, самолично настроил статью. Но тут произошло неожиданное: секретарши-стенографистки отказались ее перепечатывать. Это уже выходило за всяческие рамки. Подобное восстание в корне изменило ситуацию: газета отказалась от публикации. И решила на полумеры. В статье дадут намек на возможность беременности, но о воспроизведении свидетельства не может быть и речи.

Марк в бешенстве схватил свое вещественное доказательство и ринулся в редакционный туалет. Там, в одной из кабинок, он сжег документ. И в эту секунду его горло сжалось от отвращения. Нет сомнений: он действительно последняя сволочь. Он смотрел на язычки пламени,

¹ Адрес Управления криминальной полиции. (Прим. ред.)

извивавшиеся между его пальцами, и давал зарок раз и навсегда покончить с этой работой. Прошло пять лет с тех пор, как он заключил пакт с Дьяволом, и теперь символически сжигал свой зловеший контракт.

Он отправился путешествовать. Почти против собственной воли он вернулся на Сицилию и всего через два дня, даже не отдавая себе в этом отчета, добрался до Катании. Своего рода паломничество, вот только он ничего не мог вспомнить. Бродя по улицам, проложенным в черной вулканической породе, он мучительно пытался вспомнить те несколько часов, которые предшествовали исчезновению Софи. О чем они говорили в последний раз? Несмотря на незатухающую любовь, несмотря на то, что не проходило и дня, чтобы он не думал о ней, он так и не смог воскресить в памяти их последние часы.

На Сицилии он принял новое решение. Подобно преследуемому, который после долгой гонки вдруг резко поворачивается и вступает в схватку со своими преследователями, Марк решил развернуться и сразиться наконец с собственными демонами. В течение пяти лет нервного возбуждения, грязных уловок, выискивания нескромных фотографий он добивался лишь одной цели: спутать карты, скрыть терзавшие его мысли. Настало время уступить этому наваждению.

Этой своей заикленности на убийстве.

На крови и смерти.

Он предложил свои услуги новому журналу «Сыщик», специализировавшемуся на преступлениях и чрезвычайных происшествиях. Марк не имел опыта подобной работы, но вся его карьера свидетельствовала о способности раскапывать интересные материалы. В сорок лет он начал с нуля. В пятый раз. Побывав пианистом, провинциальным журналистом, известным репортером, папарацци, теперь он переключился на происшествия. Ему поручили вести раздел криминальной хроники. Он проводил целые дни на заседаниях судов, следил за расследованием самых мрачных преступлений, наблюдал за убийцами в клетке для подсудимых. Сведения счетов, гнусные кражи, преступления на почве страсти, кровосмешение, детоубийства... Недостатка в мерзостях не было. Марк испытывал разочарование. Он надеялся, что, оказавшись лицом к лицу с обвиняемыми, сможет найти истину. Древнюю отметину преступления.

То, что он увидел, оказалось еще более страшным: он не увидел ничего. Банальность зла. Более или менее раскаявшихся людей, более или менее разумные лица, на которых неизменно читалась непричастность к совершенным преступлениям. Казалось, что эти человеческие существа, убившие своих детей, зарезавшие своих сожителей, угробившие соседа за несколько евро, стали жертвой неведомой, чужой силы.

Но иногда у Марка складывалось обратное впечатление. Разрушительная сила по-прежнему пульсировала в глубине их сознания. Она коренилась в генах человека, в его примитивном мозгу. И ждала лишь повода, чтобы вырваться наружу.

Шли годы. Через его руки прошли сотни уголовных дел – доведенных до суда и не доведенных. Он знал всех служащих уголовной полиции, судей, адвокатов. И убийц. Он стал своим человеком в курилке на Набережной Орфевр и в комнате для свиданий тюрьмы Френ. Он обедал с лучшими следователями и брал интервью у самых чудовищных убийц. Он искал, наблюдал, выслеживал. Но каждый раз самое главное от него ускользало. Ему не удавалось увидеть лицо Зла.

Но он не отчаивался: после пяти лет работы в «Сыщике» он по-прежнему выжидал случая, «флажка», признания, которое позволило бы ему наконец различить черный свет. Он жил в его отблесках – рано или поздно он достигнет его.

– Может быть, еще кофе?

Официант снова стоял у столика. Марк посмотрел на часы: пять вечера. Подведение личных итогов заняло больше часа. Он потер глаза, как будто вышел из кинотеатра.

– Нет, спасибо. На сегодня хватит.

Официант удостоил его удовлетворенной улыбки, когда увидел, что он собирает свои бумаги и папки. Перед тем, как уйти, Марк зашел в туалет освежиться. Он казался самому себе таким же помятым, как носовой платок девушки, оплакивающей несчастную любовь.

Марк посмотрел на себя в зеркало. Как обычно, он не мог понять, на кого он похож больше всего: на пианиста, выпускника Сорбонны, репортера, папарацци, журналиста-криминалиста? Скорее на мелкого хулигана. Коренастый, с рыжеватыми волосами и усиками, он мог бы сойти за игрока в мини-регби из английской или ирландской команды.

Чтобы придать завершенность своему облику, он тщательно продумал стиль одежды: носил только приталенные твидовые куртки в коричневых и кремовых тонах и белые рубашки с английским воротничком, выпуская их манжеты из рукавов куртки. Он не был уверен, что это именно то, что требуется. В удачные дни он казался себе очень элегантным, очень «британским». В скверные дни ему, напротив, мерещилось, что эти куртки коричнево-шоколадных цветов с оттенком кофе делают его похожим на витрину кондитерской лавки.

Он опустил лицо в холодную воду. Такое погружение в собственную биографию потрясло его. Кем в действительности он стал к сегодняшнему дню? Его полностью захватили поиски. Страсть преступления. Эта мысль вернула его к основной теме дня: к Жаку Реверди.

«Серийный убийца в тропиках», неужели это правда?

Он закрыл воду и откинул со лба волосы.

Настало время поехать и взглянуть в лицо убийцы.

4

Белые и чистые линии.

Безупречно симметричное дзен-пространство.

Приходя сюда, он каждый раз испытывал одно и то же чувство. Эта профессиональная проявочная лаборатория напоминала помещение для медитаций. Вестибюль с белыми стенами, на которых развешаны снимки в черных рамках. Потом коридор с маленькими подвесными светильниками, ведущий в приемную. Там фотографы сдавали свои пленки и получали проявленные негативы. Опять белизна, чистота... казалось, здесь все направлено на то, чтобы очистить разум, успокоить душу. Даже подсвеченные столы, мерцающие белые тумбы, бросавшие молочно-белые отсветы на лица репортеров, напоминали, в конечном итоге, футуристические молитвенные скамьи.

В половине шестого Марк должен был встретиться с Венсаном Темпани. Шесть часов, а великана все нет. Марк направился в кафетерий и тут вдруг увидел знакомую голову: Милтон Саварио, фотограф из Южной Америки, принадлежавший к высшей касте репортеров-новостников. Изможденное лицо аскета, который, казалось, живет от одной войны до другой.

Саварио сделал ему знак. Они обменялись рукопожатием. Марк кивком показал на диапозитивы, разложенные на просмотрном столе:

- Ты не работаешь с цифрой?
- В такого рода сюжетах – нет.
- А что это?
- Голод в Аргентине.
- Можно?

Марк взял маленькую лупу, висевшую на хромированной подставке, и склонился над слайдами. Ребенок, похожий на скелетик, с иссохшим лицом, весь утыканный катетерами, на больничной койке. Младенец с зеленовато-бледной кожей, с огромной головой, в гробу – к тельцу привязаны маленькие крылышки, как у ангела. Медсестра, несущая по серой лестнице безжизненное тело мальчугана, чьи ножки напоминают длинные костяные палочки. Марк встал:

- Это было не слишком тяжело?
- Что?
- Эти ребятишки, голод...

Саварио улыбнулся. Трехдневная щетина и всклокоченная черная шевелюра придавали ему сходство с шахтером, только что вышедшим из забоя.

- В Аргентине нет голода.
- А фотографии?

Не отвечая, латиноамериканец сложил слайды в конверт. Потом сложил свою лупу, выключил подсветку стола.

- Пойдем, угощу тебя кофе. И расскажу тебе, в чем секрет.

Они устроились в кафетерии. Здесь тоже все было белым: автоматы, столы, стулья. Фотограф взгромоздился на табурет у стойки бара.

– Нет голода, – повторил он, дуя на чашку с обжигающим кофе. – Мы сами это организовали.

Он вытащил из кофра фотографию ребенка с деформированными конечностями, утыканного трубками:

- Это полиомиелит. Ничего общего с голодом.
- Полиомиелит?

– Наверное, снимок по ошибке запустили в агентства. В Интернет. Все как с ума посходили: голод в Аргентине – невероятно! Но там, в Тукумане, не было никаких признаков голода.

– И что же ты сделал?

– То же, что и другие: сфотографировал ребенка с полиомиелитом. Знаешь, сколько стоит билет до Аргентины?

Марк не нуждался в дальнейших объяснениях. Если на Саварио потратили деньги, речи не могло идти о том, чтобы он вернулся с пустыми руками. Несколько снимков изможденного ребенка, еще несколько снимков из больниц, из гетто для бедняков – и дело сделано. Всегда найдется издание, готовое купить эти снимки и порассуждать о недостатке продовольствия. Никто, по сути дела, не лгал, честь не страдала, а главное – не терялись деньги. Латиноамериканец поднял свою чашку:

– За информацию!

Марк чокнулся с ним. Он уже пять лет занимался чрезвычайными происшествиями, он отдалился от суматохи агентств, но с циничной радостью констатировал, что ничего, абсолютно ничего не изменилось.

За их спинами прозвучал низкий голос:

– По-прежнему переделываем мир?

Марк повернулся на стуле и увидел Венсана Темпани. Метр девяносто, сто килограммов обрюзгшей плоти. Колосс с длинными сальными волосами, в светлом полотняном костюме, придававшем ему вид плантатора из тропиков. Удивительно, но в нем, казалось, всегда жило солнце: он вырос в Ницце и до сих пор не избавился от южного акцента.

Он приветствовал Марка и Саварио взрывом смеха, потом пошел к автомату с газированными напитками. Саварио воспользовался этим, чтобы ускользнуть. Венсан вернулся к Марку с баночкой колы в руке. Он проводил взглядом фотографа:

– Я что, спугнул героя?

– Картинки принес?

Он вынул из кармана куртки три конверта. После трагедии с леди Дианой великан переключился на съемку моды, но, в память о прошлом, иногда соглашался немного пощелкать для расследований Марка. С деланным недовольством он проговорил:

– Сам себя спрашиваю, какого черта я вожусь с этими мерзкими харями? Как подумаю, какие воздушные создания ждут меня в студии...

Марк занялся первым конвертом. Он вынул оттуда портрет Жака Реверди с данными антропометрических измерений и прочел подпись под фотографией.

– Это снято при его аресте в Камбодже, а из Малайзии у тебя нет?

– Нет, мсье. Я звонил ребятам из «Франс Пресс» в Куала-Лумпур. Официального портрета из Малайзии нет. Реверди недолго оставался в руках полиции. Его тут же поместили в психушку и...

– Я в курсе, спасибо.

Марк изучал лицо Реверди. Снимки, которые он видел до сих пор, относились к славному прошлому глубоководного ныряльщика. Блестящие фотографии, на которых чемпион, одетый в комбинезон для погружений, поднимал над головой табличку с указанием рекордной глубины. На портрете, который он держал в руках сейчас, было совсем другое лицо. Узкое, в буграх мышц, без улыбки. Уголки губ изогнуты в мрачную гримасу. В черных глазах нельзя прочесть ничего.

Он открыл следующий конверт и увидел молодую девушку. Почти подростка. Пернилла Мозенсен. Светлые глаза, ангельское выражение лица, обрамленного очень прямыми черными волосами. И светящаяся кожа. Марк подумал о бледной мякоти некоторых экзотических фруктов.

– Из «Франс Пресс» мне прислали только это, – пояснил Венсан. – Это фотография из ее паспорта. Я отретушировал на компьютере...

Судя по лицу молодой датчанки, она хотела казаться серьезной. Однако, несмотря на внешнюю сдержанность, из-под ее ресниц сияло юное озорство. Улыбка дрожала в уголках губ. Он представил себе, как она готовилась к поездке в Юго-Восточную Азию. Без сомнения, к своему первому большому путешествию...

– А тело? – спросил он.

– Глухо! Верховный суд Малайзии не дал никаких сведений. Они не похожи на друзей прессы.

– А другая? Девушка из Камбоджи?

Венсан сделал длинный глоток и выложил на стол третий конверт.

– Я нашел только это. В архивах «Паризьен». И для этого мне пришлось совершить настоящие чудеса. Это перепечатка из желтой прессы Пномпеня. Виден типографский растр.

Линда Кройц была рыжеволосой, с тонкими чертами лица, словно нарисованными легкими мазками кисти. Симпатичное личико под копной вьющихся волос, крупнозернистая газетная печать не позволяла судить о том, насколько они тяжелые. Из-за типографских дефектов невозможно было уловить выражение лица, и поэтому оно казалось каким-то нереальным. Призрак из колонки новостей.

– И тут тоже ничего относительно тела?

– Ничего, что можно напечатать. Мне прислали снимки из «Камбож суар». Девушку нашли в реке, через три дня после смерти. Тело раздулось так, что почти лопалось. Язык как огурец. Публиковать нельзя: поверь мне. Даже в твоей дерьмовой газетенке.

Марк положил три конверта в карман. Венсан перешел на заговорщицкий тон:

– Что подельваешь вечером?

Лицо фотографа мало чем отличалось от его тела: такое же огромное, красноватое, одутловатое. Лицо людоеда, наполовину завешенное прядью волос, закрывавшей левый глаз, словно повязка пирата. Рот у него вечно был приоткрыт, как у большой задыхающейся собаки. Широко улыбнувшись, он помахал еще одним конвертом:

– Это тебя интересует?

Марк бросил взгляд: фотографии молодых обнаженных женщин. Помимо официальных фотографий для журналов, Венсан делал портфолио для молоденьких моделей. Он пользовался этим, чтобы раздевать их.

– Неплоха, а?

Его дыхание пахло обжигающей смесью колы и спиртного. Марк полистал фотографии: зрелые тела с идеальными пропорциями, с молочной кожей, без малейших изъянов, лица, полные кошачьей грации.

– Я им позвоню? – спросил Венсан, подмигнув.

– Увы, – ответил Марк, возвращая снимки. – Я не в настроении.

Венсан забрал у него фотографии с презрительной гримасой:

– Ты вечно не в настроении. В этом твоя проблема.

5

Лица были там.

Знакомые и пугающие одновременно.

Они прижимались к ротанговой сетке и от этого казались искаженными, изуродованными, раздавленными. Жак Реверди поборол свой страх и повернулся к ним: он увидел сплюснутые щеки, сморщенные лбы, спутанные волосы. Их глаза пытались отыскать его в полумраке. Их руки цеплялись за стены. Он слышал и их приглушенные голоса, их бессвязный шепот, но слов не различал.

Вскоре он начал замечать невероятные детали. На одном лице веки были сшиты. На другом не было рта – просто гладкая кожа между щеками. Еще у одного подбородок торчал вперед, как форштевень, и казалось, что непропорционально большая, вздернутая кверху кость вот-вот прорвет кожу. А одно из лиц покрывали крупные капли, но это был не пот, а жидкая плоть: из-за этого черты размывались, сливались в единую текучую массу.

Жак понял, что еще спит. Эти люди составляли часть его привычного кошмара – того, что никогда не оставлял его. Он заставил себя успокоиться. Он знал, что чудовища не видят его через древесные волокна, он был в безопасности, в сумерках. Им никогда не удастся открыть ротанговый шкаф, вытащить его из тайника.

Однако внезапно он почувствовал, как их чудовищная сущность просачивается через переплетенные волокна, проникает ему под кожу. Его лицо вздулось, мышцы натянулись, кости затрещали... Он становился все более и более похожим на них; он превращался в «них». Он сжал губы, чтобы не закричать. Лицо смещалось, деформировалось, но ему нельзя кричать, он не должен обнаружить свое присутствие в шкафу, он...

Его тело напряглось. Грудная клетка больше не двигалась. Он закрылся от внешнего мира. Он представил себе, как трубки, отходящие от дыхательного аппарата, заканчиваются во мраке его органов. Именно такую остановку дыхания он предпочитал: самую мягкую, самую естественную. Ночное апноэ, настигающее спящих младенцев и иногда убивающее их.

Жак уже не спал, но его глаза оставались закрытыми. Он считал секунды. Ему не требовались ни часы, ни секундомер. Часами стал его кровоток. Замедлившийся. Умиротворенный. Через несколько секунд голоса умолкли. Потом исчезли лица. Ротанговые перегородки отступили, словно давление на них снаружи прекратилось. Он был самым сильным. Сильнее, чем чудовища, чем...

Он открыл глаза, он не думал ни о чем. Сделал глубокий вдох. Но вместо обычного воздуха втянул в себя нечто горькое и вкусное одновременно. словно глоток зеленого чая. Где он находился? Сознание возвращалось медленными волнами. Он лежал. Сумерки были пронизаны зноем. Пять его чувств заработали, словно зондируя пространство. Он ощутил обжигающий ветер на лице. Потом тяжелый, опьяняющий, почти тошнотворный запах: запах леса. Пышной растительности.

Приглушенные шумы. Голоса. Он решил было, что опять спит, но они совершенно не походили на голоса из его кошмара. Они пытались говорить по-английски с сильным малайским акцентом: «Хелло... Хелло...», «Сигареты?»

Он повернул голову направо и через окрашенную в зеленый цвет деревянную решетку различил темные, неясные рожи. Он что, в тюрьме? Он взглянул налево. Над ним простиралось ночное небо, усыпанное звездами. Нет. Он не в помещении.

Он заставил себя упокоиться и проанализировать каждый факт. Сейчас ночь. Сине-зеленая ночь, пахнущая тропиками. Он находится в какой-то галерее. Слева – большой забетонированный двор. Справа решетчатая стена, за которой мечется группа заключенных. За их

спинами можно различить большую комнату, заставленную железными кроватями. Значит, он действительно в тюрьме. Но в тюрьме под открытым небом.

Он сделал рефлекторное движение, чтобы подняться. Невозможно: на его запястьях и щиколотках ременные петли. В следующий момент он разглядел хромированную перекладину своей кровати – больничной кровати. В ту же секунду заметил, что одет в зеленую тунику. заключенные носили ту же одежду. В глаза бросилась еще одна деталь: у них у всех были бритые головы. Их широко раскрытые глаза в темноте напоминали белые раны. Хихиканье, ворчанье. Он прислушался и разобрал их слова – на малайском, китайском, тайском... Бессвязные реплики. Бессмысленные слова. Идиоты.

Он в сумасшедшем доме.

И тут же в его мозгу всплыло слово: Ипох, самая большая психиатрическая клиника в Малайзии. Его охватила тревога. Почему его перевезли сюда? Он не сумасшедший. Несмотря на лица, несмотря на кошмары, он не сумасшедший. Он попытался вспомнить последние дни, но смог воскресить в памяти только листья бамбука и плетеные перегородки. Что случилось? У него был новый приступ?

Сзади него послышался шум. Двигают кресло, шуршат бумагой. Глубокой ночью эти звуки казались еще более неуместными, чем все остальное. Реверди свернул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. В конце галереи, в нескольких метрах от него стоял железный стол, заваленный бумагами.

Охранник, дремавший за столом, поднялся в темноте и поправил ремень, на котором висели пистолет, граната со слезоточивым газом и дубинка. Не похож на медбрата. Значит, Жак находится в отделении для преступников. Человек зажег фонарь и направился к нему. Реверди приказал по-малайски:

– *Tutup lampu tu* (погаси это).

Надзиратель отскочил назад – звук его голоса, к тому же произносящего малайские слова, оказался для него полной неожиданностью. Поколебавшись, он погасил фонарь и осторожно обошел кровать. В темноте Жак увидел, что он протягивает руку к выключателю.

– Не зажигай, – приказал он.

Человек замер. Другой рукой он сжимал оружие. Вокруг них царил полная тишина: остальные узники замолчали. Через несколько секунд надзиратель снял руку с выключателя. Реверди выдохнул:

– Я не должен видеть твое лицо. Ни чье лицо. Не сейчас.

– Я позову санитаров. Тебе сделают укол.

Реверди вздрогнул. Его тело мгновенно покрылось потом. Он больше не должен спать. Во сне его поджидают «другие», притаившиеся за плетеным ротангом.

– Нет, – тихо выдохнул он. – Не надо.

Малаец захихикал. К нему вернулась уверенность. Он направился к настенному телефону.

– Подожди!

Человек повернулся, он разозлился. Его пальцы сомкнулись на рукоятке дубинки. Он больше не допустит, чтобы этот *mat salleh* докучал ему.

– Посмотри мне в горло, – приказал Реверди.

Надзиратель нехотя вернулся к нему. Жак открыл рот и спросил:

– Что ты видишь?

Малаец опасно склонился. Жак высунул язык и резко сжал челюсти. Их уголков рта брызнула кровь.

– Бог мой... – пробормотал охранник, бросаясь к телефону.

Прежде чем он снял трубку, Реверди окликнул его:

– Послушай! Если ты позовешь санитаря, я перекушу язык еще до его прихода. – Он улыбнулся, на его подбородке собирались горячие пузырьки. – Я скажу, что ты меня избивал, пытал...

Человек стоял неподвижно. Жак воспользовался полученным преимуществом:

– Ты не шелохнешься. Я буду делать вид, что сплю, до самого утра. Все будет хорошо. Только ответь на мои вопросы.

Малаец, казалось, еще поколебался, потом пожал плечами в знак капитуляции. Он взял со столика на колесах рулон туалетной бумаги. Осторожно подошел к Жаку и вытер ему губы. Реверди поблагодарил его кивком головы.

– Я в Ипохе?

Надзиратель кивнул; у него были усики, кожа со следами юношеских угрей. Настоящие рытвины, которые в синеватом ночном свете напоминали лунные кратеры.

– Сколько я здесь?

– Пять дней.

Жак быстро сосчитал в уме.

– Сегодня вторник, среда?

– Среда, двенадцатое февраля. Два часа ночи.

Дни, отделявшие его от прошлой пятницы, совершенно стерлись из его памяти. В каком состоянии он прибыл сюда? Его тело вновь покрылось потом.

– Я был... без сознания?

– Ты бредил.

Пот стал ледяным. От него покалывало грудь, словно через кожу вырывались наружу мелкие частицы взорвавшегося внутри страха.

– Что я говорил?

– Понятия не имею. Ты говорил по-французски.

– Убирайся, – приказал Реверди.

Такой повелительный тон заставил охранника напрячься, он отошел и уселся за свой стол, позвякивая связкой ключей. Реверди расслабился, опустил плечи на кровать.

Прошло довольно много времени, со стороны стола не доносилось ни звука – охранник уснул. Голоса по другую сторону зеленой решетки тоже затихали: все укладывались спать.

Он снова попытался вспомнить хоть что-то, связанное с госпитализацией. Полный провал. Но в памяти стали беспорядочно всплывать другие образы. Слова. «Комната». «Вехи». «Дорога»... Он увидел бамбуковые стены, ручейки крови. Его снова охватил страх. Вспышка: истерзанная женщина, нежные струйки крови...

Почему он впал в панику? Почему он вдруг испугался ее общества? Эта потеря контроля может стоить ему жизни. Он вспомнил, что на самом деле это противоречие таилось в самом действе. Каждый раз в конце ритуала он срывался. Но обычно он был один. Один в Комнате Чистоты – и это секундное забвение не имело никаких последствий.

Он заставил себя еще раз сосредоточиться и восстановил в памяти весь эпизод. Тело женщины, покрытое резаными ранами. Огонь в его собственной руке. Эта мысль прибрела такую чистоту, такую точность, что он снова ощутил себя в Комнате Чистоты... Ему захотелось ласкать это раскрывшееся, истекающее кровью тело, но он знал, что это невозможно. Источник – это табу.

Тем не менее, он подошел к своей возлюбленной и посмотрел на ее раны. Он любовался темными реками, разливающимися по загорелой коже. Он испытывал нежность, безграничную благодарность к этим разрезам, несшим ему умиротворение, безмятежность.

Он наклонился. Так низко, что слышал журчание крови. Так низко, что почувствовал жар тела... Он закрыл глаза и ощутил медный вкус собственной крови в своем израненном рту.

Медленно возвращался сон.

Но на сей раз это был просветленный отдых, без всяких кошмаров.

Он в последний раз увидел темную лужу, растекавшуюся у его ног, вокруг его подруги. Он сам погружался в нее, словно в мягкую, успокаивающую подушку, где прятались его мысли.

На его губах появилась улыбка.

Он больше не боялся: он исцелился.

6

Серийные убийцы занимали особое место в его расследованиях.

На взгляд Марка, это были алмазы чистой воды. Необработанные камни. В их поступках не просматривались сложные побудительные причины, слепая страсть, паника в минуту опасности. Состояние души, которое объяснило, если не извинило бы, совершенное убийство.

Ничего, кроме стремления убивать.

Холодного, ни с чем не связанного, властного.

Он прочел все книги по этой проблеме. Рассказы. Биографии. Автобиографии, подписанные самими убийцами. Труды психиатров. Он сам составил исчерпывающие досье на некоторых, наиболее известных убийц. Никто не знал их лучше него. Джеффри Дамер, просверливавший дрелью черепа жертв, чтобы налить туда кислоту. Ричард Трентон Чейз, пивший кровь своих жертв и размалывавший их внутренние органы в миксере, чтобы извлечь из них как можно больше жизнетворной жидкости. Эд Кампер, двухметровый людоед и некрофил весом в сто сорок килограммов, который ставил голову жертвы на камин и беседовал с ней, а сам в это время совокуплялся с обезглавленным трупом. Эд Гейн, мастеривший себе маски из кожи, содранной с лиц убитых людей.

Начиная с 2000 года он подавал прошения, добиваясь встречи с заключенными в тюрьму французскими серийными убийцами. Он беседовал, порой по многу часов подряд, с Франсисом Ольмом, Патрисом Аллегром, Ги Жоржем, Пьером Шаналем... Он брал интервью у их знакомых, встречался с их родственниками. И с семьями убитых.

И каждый раз он испытывал разочарование.

Эти люди оказывались такими же обыкновенными, как и те, которых он наблюдал в залах суда. Некоторые были настоящими богатырями, других сотрясал тик, у третьих были действительно мерзкие рожи, но их внешность не свидетельствовала ни о чем особенном. Их секрет, их бездна находилась – и крылась – в глубине их душ.

В подобные моменты он начинал сомневаться в своих способностях вести расследование. Почему ему не удавалось понять их? Заглянуть в их головы? Представить их в момент совершения убийства? Иногда, в приступе злости, он почти жалел, что не мог застигнуть их с поличным, с окровавленными руками, стоящими на коленях перед остывающим телом жертвы.

Занимаясь разными страшными случаями, он нащупал какие-то образы, какие-то лейтмотивы, которые стали тревожить его сон. Он радовался этому. Значит, у него появилось что-то общее с этими изуверами.

Например, его преследовал звук лезвия. Лезвие Франсиса Ольма, которым тот перерезал горло женщины на пляже Мулен Блан возле Бреста. Марк видел фотографии разреза: ровного, глубокого, шедшего от середины шеи за левое ухо. Жертву нашли в купальнике, лежащей на гальке, и он усматривал некую жестокую связь между этой открытой, зияющей раной и серыми камушками, отданными во власть ветра и моря. Вначале в его сне возникал этот мрачный пейзаж, потом внезапно появившийся свист срывал его в кошмар. Звук ножа «опинель», перепиливающего шею.

Ему снилась и загадочная картина, изображающая очень худую женщину с ампутированными кистями рук. Она шествовала с торжественным и мечтательным видом, а из ее открытого живота вываливались спутанные кишки. Каждый раз во сне Марк спрашивал себя: кто она? Где он ее уже видел? Понемногу у него сложился ответ, и этот ответ моментально разбудил его. «Призрак сексуальной привлекательности». Картина Сальвадора Дали.

В 1998 году Марк занимался серией убийств, совершенных в Перпиньяне, причем, как полагали, убийца вдохновлялся именно этой картиной. По меньшей мере в одном случае у молодой жертвы был взрезан живот и ампутированы кисти. Убийцу еще не поймали, и Марк

не сомневался, что до тех пор, пока он на свободе, это наваждение, отмеченное знаком Дали, будет витать в воздухе и преследовать его, одинокого журналиста, искавшего разгадку тайны, но находившего только обрывки, только дым.

Сигнал автоответчика прервал размышления Марка – он изучал фотографии Реверди с той минуты, как проснулся. Все пространство квартиры заполнил голос Вергенса: «Это я. Ты три дня назад дал мне свою писанину по поводу малайзийского дела. Надеюсь, что тебе снова удастся заполнить наш номер. Позвони мне утром. Обязательно. (Пауза.) Напоминаю тебе, что через несколько недель начнется война. И тогда всем начхать будет на наши истории. Так что Богом прошу: сделай нам конфетку!»

Марк улыбнулся при упоминании о неизбежном конфликте в Ираке. Как будто ему нужен обратный отсчет, чтобы приняться за дело. Одиннадцать утра. Он проверил свой почтовый ящик. Ни одного послания – ни от «Франс Пресс», ни от «Рейтерс», ни от «Ассошиэйтед Пресс». Ни от знакомых из «Ньюс страйтс таймс» и «Стар», главных газет в Куала-Лумпуре. Никакого ответа на запрос, направленный им ЗГО (заместителю государственного обвинителя), выполняющему в Малайзии те же функции, что следственный судья во Франции. Не подает вестей и французское посольство, которое должно было бы выпускать ежедневные коммюнике. Скорее всего, Реверди по-прежнему находится в тяжелом состоянии в психиатрической клинике. И имя его адвоката по-прежнему неизвестно. Мертвая точка.

Марк отправился в кухню, смежную со студией и оборудованную на американский манер, чтобы сварить себе кофе. Он обожал кофе – это была одна из его холостяцких привычек. Благодаря своим обширным связям он добывал уникальные сорта «арабики», редкие сорта «робусты», лучшие образцы кофе со всего мира, а во времена своего процветания обзавелся очень сложным аппаратом с паровой насадкой для капучино и встроенным очистителем от накипи, позволявшим получать поистине божественные напитки. Каждый день он выпивал чашек двадцать крепкого напитка, причем в зависимости от времени суток менял сорта и страны-производители. Сейчас он решил выпить чашечку колумбийского кофе, такого крепкого, что он называл его «дьявольским сортом». От такого и мертвец проснется. Вот именно это ему и нужно.

Потягивая маленькими глотками сок, он стоял у стола из белого дерева, осматривая свою берлогу. Большое квадратное помещение, площадью около ста двадцати метров, с впечатляюще высокими потолками. Когда он покупал его, ему показалось, что эта высота позволит воспарить его духу. Спустя восемь лет он все еще ждал этого.

Квартира, расположенная на первом этаже, выходила в маленький мощный дворик, украшенный двумя карликовыми пальмами – через застекленные двери они казались двумя большими ананасами, стоящими на страже. Вдоль стен тянулись стеллажи с книгами, нотами, компакт-дисками. Целые пласты его жизни, поднимавшиеся до скошенных витражей мансарды, были лишь преддверием настоящей библиотеки: маленькой смежной комнатки внизу, заставленной специальными книгами.

Здесь было собрано, свалено, распахано все или почти все, написанное о серийных убийцах, включая кипы старых газет с разделами происшествий. Эта коллекция ужасов была такой полной, что другие журналисты «Сыщика» частенько приходили сюда, чтобы посмотреть то или иное издание или освежить в памяти историю какого-то кровавого убийцы. Именно этой свалкой и объяснялся запах сырости, царивший в квартире и заставлявший Венсана повторять при каждом визите: «Хватит тебе курить грибы».

Меблировка большой комнаты была предельно проста: вместо письменного стола – доска, положенная на козлы; расположенная в глубине зона «гостиной» была представлена продавленным диваном и беспорядочно разбросанными подушками; в нескольких метрах справа, в углублении, находилась постель. Матрац без изголовья, прямо на полу, перед низким сто-

ликом, на котором стоял большой телевизор и пирамида аппаратуры – DVD-проигрыватель, видеомэганитофон, колонки и прочее.

Марк обожал спать на полу. Он чувствовал себя солдатом, устроившимся на земле, чтобы лучше прицелиться. Такая позиция соответствовала его образу жизни: всегда быть в засаде, в убежище. Ночью он рассматривал стену из книжных корешков, поблескивавших в свете дворового фонаря, а цепочка маленьких красных лампочек, подвешенных перед книгами, напоминала сигналы на взлетно-посадочной полосе аэродрома. Когда он взлетит? Когда найдет истину, которую ищет?

Он сварил вторую чашку кофе и уселся за стол. Навел порядок в куче документов, заметок, фотографий, кассет, относившихся ко все той же, единственной теме. Материала хватит, чтобы написать потрясающую биографию Жака Реверди. Но это будет биография великого спортсмена, а не убийцы.

В течение двух последних дней Марк шаг за шагом восстанавливал его жизнь. В начале восьмидесятых годов Жак был настоящей звездой. Статьи, интервью, фотографии складывались в героический образ одного из величайших ныряльщиков конца века. Наравне с Жаком Майолем и Умберто Пелиццари. Однако в своих интервью Реверди никогда не злоупотреблял штампами, обычными при описаниях этого спорта: поиск абсолюта, возвращение к морю-кормильцу, единение с морскими млекопитающими... Напротив, он подчеркивал противоестественность задержки дыхания и связанных с нею опасностей: риск потери сознания, нарастающее давление, глубинное головокружение. Марк был знаком с этим видом спорта – он немного занимался им на Корсике и помнил, как чуть было не потерял сознание в подводном гроте. Он тут же прекратил погружения; этот случай напомнил ему о двух провалах в сознании, случившихся в его жизни.

Чемпион действительно говорил о задержке дыхания как о поединке человека с морем. Поединке, который следовало выигрывать с помощью собственного тела, чтобы преодолеть своего рода барьер глубины. В своих интервью он постоянно говорил об этой таинственной границе, известной только самому ныряльщику. Безусловно, границе рекорда, но также и границе разума. О самой высокой планке, установленной, как ни парадоксально, на глубине. Когда он говорил о ней, становилось ясно, что в сумеречных глубинах, где царило немислимое давление, где легкие превращались в два жалких камушка, а свет – в воспоминание, ныряльщик получал нечто большее, чем медаль или кубок...

Марк нашел более свежую статью, опубликованную в «Экспресс» в августе 1987-го, в самый разгар успеха «Голубой бездны», когда тысячи французских подростков, вдохновленных фильмом Бессона, внезапно прониклись страстью к глубоководным погружениям. Репортеры отыскивали Реверди, ставшего простым тренером по дайвингу в Таиланде. Тогда он производил впечатление более спокойного человека, гораздо более соответствующего представлению о мудрости и духовности ныряльщиков.

Марк докопался и до более раннего периода жизни Реверди. Ему удалось узнать кое-что интересное, что позволяло предположить наличие неких травмирующих обстоятельств, способных пролить свет на теперешние события.

Жак родился в 1954 году в Эпине-сюр-Сен, в департаменте Валь-д'Уаз. Он был единственным ребенком в семье, рано лишился отца и жил с матерью, сотрудницей социальной службы. Детство его протекало без особых происшествий вплоть до 1968 года, когда Моник Реверди покончила с собой. Четырнадцатилетний Жак нашел тело матери в их квартире в луже крови: она вскрыла себе вены.

С этого момента подросток совершенно изменился. Застенчивый и сдержанный ребенок превратился в агрессивное существо, в неуправляемого бродягу; он скитался из одного приюта в другой, постоянно воровал, хулиганил, крушил все вокруг себя. В семнадцать лет его отправили в Марсель, в «колонию», в центр для трудных подростков. Так произошло второе реша-

ющее событие в его жизни. Он познакомился с руководителем центра Жан-Пьером Женовом, очень прогрессивным психиатром, который и приобщил его к дайвингу. Это стало для мальчика своего рода откровением. Жак полюбил этот вид спорта и проявил удивительные способности.

Уже в 1977 году, после военной службы и нескольких лет тренировок, Жак впервые побил мировой рекорд по погружению с постоянным весом. Эта дисциплина особенно сложна – речь идет не о том, чтобы погрузиться на большую глубину благодаря балласту, а потом всплыть с помощью парашюта, как в категории «без ограничений», а о спуске и подъеме исключительно на ластах. Тогда Жак погрузился на глубину в шестьдесят пять метров. Спустя три года он опустил на семьдесят пять метров. Параллельно он занялся погружениями без ограничений и преодолел барьер в сто метров, – рекорд, уже установленный в 1976 году Жаком Майолем. Но в 1982 году чемпион, которому в то время было двадцать восемь лет, сделал решительный шаг. Он ушел из большого спорта и поселился в Юго-Восточной Азии, где совершенно пропал из вида, пока успех «Голубой бездны» снова не вывел его на короткое время под вспышки фотокамер.

Марк провел большую работу по поиску фотографий. Естественно, ему попало множество снимков чемпиона, относящихся к периоду его славы. Но ему удалось найти и портрет Моник Реверди. Он увидел высокую худую женщину в наглухо застегнутом платье в цветочек от Лоры Эшли. Болезненная, тревожащая красота. Ее удлиненное лицо казалось еще более вытянутым из-за прически – длинные темные волосы, расчесанные на прямой пробор. В ней поражали две черты – пристальный взгляд черных глаз и похожие на два лепестка чувственные губы, резко выделявшиеся на лице. Глядя на эту фотографию, Марк, как ни странно, подумал о двух рок-звездах разного пола: о Шер и о Мэрилине Мэнсоне. В этой женщине чувствовались стоическая твердость и гордость мученицы. В облике Моник Реверди сочетались набожность и пошлость.

Марку удалось поговорить по телефону с бывшими сослуживцами работницы социальной службы: по общему мнению, Моник Реверди была самоотверженной и великодушной женщиной. «Святая». Почему она вскрыла себе вены?

Из своего опыта криминальных расследований Марк вынес твердую убежденность: единственной общей чертой всех серийных убийц было неблагополучное детство. Насилие в семье, алкоголизм, пренебрежение, инцест... Случай с Жаком, обожаемым единственным сыном, явно выпадал из общего ряда. Может быть, шок, испытанный при виде бездыханного тела матери, оказался достаточным, чтобы спровоцировать роковое нарушение психики?

Он отпил глоток кофе – холодный. Надо найти новый путь. Не для того, чтобы написать статью, а чтобы лучше представить себе портрет хищника. Он разложил свои бумаги, фотографии, заметки в соответствии с хронологией. Дойдя до папки с надписью «КАМБОДЖА», он отметил, что она совсем тоненькая. Портрет Линды Кройц, несколько вырезок из французских ежедневных газет... Добраться до архивных материалов, связанных с процессом, происходившим в разгар государственного переворота, оказалось невозможно. Не удалось ему и выйти на след камбоджийского адвоката Реверди. Насколько он понимал, в камбоджийской судебной системе царил порядочная путаница...

И тут Марка осенило. Он где-то читал, что жертва происходила из обеспеченной семьи. Кройцы наверняка наняли немецкого адвоката, чтобы он составил исковое заявление и представлял их в суде. А может быть, даже частного следователя, который смог бы пролить свет на это дело. Марк понимал, что семья наверняка не сомневалась в виновности Реверди и была возмущена его освобождением.

Его задержание на месте нового преступления могло подтолкнуть их к действиям. Они попытаются вновь открыть камбоджийское дело. Да, тут, пожалуй, можно кое-что накопать. Марку следовало найти адвоката, занимавшегося делом Линды Кройц.

7

Марк пользовался разными способами получения информации, и нельзя сказать, что он отдавал предпочтение Интернету. Слишком обширно, слишком запутанно. Вообще, ничто не могло сравниться с телефонным звонком и непосредственными человеческими контактами. Он позвонил в посольство Германии – там работал знакомый пресс-атташе. Последний, даже не отключаясь, соединился по другой линии с приятелем, репортером журнала «Штерн», специализировавшимся на чрезвычайных происшествиях, который сам освещал дело Кройц. У того сохранились координаты Эрика Шрекера, адвоката семьи.

Спустя несколько минут Марк разговаривал с адвокатом. На своем самом лучшем английском он постарался объяснить, что его интересовало: ему хотелось бы выявить возможные связи между обвинением, выдвинутым в Джохор-Бахру, и подозрениями, возникшими в отношении дайвера в Камбодже. Шрекер сухо оборвал его:

– Сожалею, но я ничего не могу вам сообщить.

– Может быть, вы мне хотя бы скажете, собираетесь ли вы снова возбудить дело. Дает ли арест Реверди в Малайзии основания, чтобы подать на апелляцию в Камбодже?

– Суд уже состоялся. Дело было прекращено.

Тем не менее по его тону Марк понял, что у Шрекера и семейства Кройц имелись определенные планы.

– Вы связывались с представителями потерпевшей стороны в Малайзии?

– Пока что слишком рано говорить о чем бы то ни было.

– Но ведь в этих двух делах прослеживается определенное сходство, не правда ли?

– Послушайте! Мы с вами теряем время. Я ничего вам не скажу. Вы знаете, что адвокаты не разговаривают с журналистами, если только это не может помочь им в ведении дела. Это дело требует лишь одного: максимальной деликатности. Я не возьму на себя никакого риска.

Марк откашлялся.

– Вы можете навести обо мне справки. Я – серьезный журналист.

– Дело не в этом.

– Обещаю, что дам вам прочитать статью до опубликования. Я...

Адвокат расхохотался, на несколько секунд его голос зазвучал совсем молодо.

– Если б вы знали, сколько статей мне обещали показать до публикации, а я их и близко не увидел!

Марк не стал настаивать: он не мог припомнить, чтобы хоть раз сдержал обещание такого рода. Он предпочел сделать упор на практическую сторону дела:

– У меня за плечами двадцать лет судебной хроники. Я не из тех, кто готов написать что угодно. Просто введите меня в курс дела. Вы видите связь с папанским делом или нет?

Адвокат промолчал.

– Будут ли сотрудничать правовые системы двух стран?

– Послушайте, я...

– Заместитель гособвинителя Малайзии поедет в Камбоджу?

Молчание Шрекера вдруг стало каким-то другим. Он устало вздохнул:

– Я связывался с ним, когда он был в Джохор-Бахру. Я не получил никакого ответа. И мы по-прежнему не знаем, готовы ли камбоджийцы передать ему материалы по делу Кройц.

– А почему вы сами не дадите ему их?

Адвокат снова расхохотался, на сей раз саркастически:

– Потому что у нас их нет. В 1997 году мы выступали всего лишь в качестве иностранных консультантов. Кхмеры очень чувствительны в отношении всего, что могло бы поставить под сомнение их компетентность. Речи быть не может, чтобы люди с Запада поучали их.

Адвокат начал горячиться; Марк почувствовал, что это дело его волнует.

– Вам следует понять одну вещь, – продолжал Шрекер, – Красные кхмеры убили восемьдесят процентов юридического персонала Камбоджи. В настоящее время уровень подготовки тамошних адвокатов и судей не выше, чем у учителя начальных классов. Да еще коррупция и политическое давление. Полный бардак! Добавьте к этому достаточно сложные отношения между Камбоджей и Малайзией. Кроме того, когда мы попытались действовать через Таиланд, мы...

– Почему через Таиланд?

Адвокат не ответил, но Марк догадался:

– В Таиланде возбуждено дело против Реверди?

Шрекер по-прежнему молчал. Марк продолжал настаивать:

– Там у Реверди тоже были проблемы?

– Нет, никаких проблем. Его ни в чем не обвиняли.

Марк судорожно соображал, открывая одну за другой свои картонные папки. Он нашел свои заметки – надо показать Шрекеру, что он действительно разбирается в материале. Он принялся перечислять:

– С 1991-го по 1996 год, а потом с 1998-го по 2000 год Реверди жил в Таиланде. Он возвращался туда в 2001-м и в 2002 годах. В эти периоды были другие убийства?

Немец не отвечал. Марк слышал его затрудненное дыхание. Адвокат не хотел говорить, но что-то не позволяло ему повесить трубку.

– Вы нашли тела?

У Шрекера вырвался вопль:

– Да нет тел, нет! Иначе все было бы просто.

– Что же тогда?

– Исчезновения.

– Исчезновения в Таиланде? С их восемью миллионами туристов в год? Как там можно говорить об «исчезновениях»?

– Есть совпадения.

– Мест?

– Вот именно. Мест и дат.

Марк опустил взгляд на свои записи – среди мест пребывания Реверди одно повторялось.

– В Пукете?

– Да, в Пукете. Два зарегистрированных случая исчезновения. Если быть более точным, в Кох-Сурине, на севере Пукета. Там, где жил Реверди.

– Географическая близость ничего не доказывает.

– Есть кое-что еще. – Адвокат снова разгорячился; без сомнения, он потратил месяцы, чтобы раскопать эти сведения. – Одна из женщин посещала его занятия по дайвингу. Вторая приезжала к нему в бунгало. Есть свидетели. Она казалась влюбленной в него. Больше ее не видели.

Марк вздрогнул: перед ним вырисовывался облик настоящего хищника.

– Жертвы. Назовите мне их фамилии.

– Нет, это уж слишком! Мы годы потратили на составление досье! Не для того, чтобы какой-то журналист все разбазарил!

– «Мы» – это кто?

– Семьи. Мы нашли в Европе родственников пострадавших. Мы объединились. И мы движемся в направлении Малайзии. – Резкий смешок. – Мы его обложили, как крысу.

Теперь голос Шрекера звучал крайне возбужденно, и Марку передавалось его состояние. Сколько же ударов нанес Реверди? Он представил себе, как сам отмечает фломастером на карте Юго-Восточной Азии места, где ныряльщик совершал свои преступления. И внезапно у него в

памяти всплыло определение «серийного убийцы-маньяка»: «Как и большинство сексуальных садистов, такой человек очень мобилен, он много передвигается, в социальном плане не выделяется, по крайней мере внешне, так как способен надевать маску нормальности и не пугать своих жертв; кроме того, он полностью держит под контролем место совершения преступления...»

Марк сделал еще одну попытку:

– Вы можете сообщить мне хотя бы, откуда были эти девушки?

– До свидания! Я и так сказал слишком много.

– Подождите! – Он почти кричал. Потом заговорил тише: – Я хотел бы увидеть их лица.

Только это. Пришлите мне фотографии.

– Чтобы вы напечатали их в своей газете?

– Клянусь, что ничего не опубликую. Я просто хочу сравнить их с другими жертвами.

– Сходства нет. Это первое, что мы проверили.

– Только фотографии. Меня не интересуют ни имена, ни страны.

– Ни в коем случае. Пока у нас есть только предположения. Мы пытаемся наладить сотрудничество между странами, которые никак не могут объединить свои усилия. Учитывая различия правовых систем, это настоящая головоломка. Я и не подумаю рисковать ради какого-то журналиста, который...

– Забудьте о журналисте. Забудьте о публикациях. Я просто хочу разобраться в этой истории. Я хочу сам расследовать это дело, понимаете?

Снова молчание. Теперь и Марк зашел слишком далеко; но его откровенность, похоже, сработала. Два охотника поняли друг друга.

– Какие гарантии вы можете мне дать, что эти фотографии не будут опубликованы?

– Пришлите мне их по электронной почте, с низким разрешением. Я не смогу их воспроизвести. Просто просмотрю на своем компьютере.

Записав электронный адрес Марка, адвокат заключил:

– Я сообщу вам сроки их пребывания в стране и предполагаемые даты исчезновения.

Чтобы вы сориентировались.

– Спасибо.

– Минуточку, услуга за услугу! Мне кажется, вы человек заинтересованный. Если что-то удастся обнаружить, вы должны держать меня в курсе.

– Можете на меня положиться.

Еще одна ложь: Марк привык действовать в одиночку. Он никогда не поделится своей информацией. Он уже собирался положить трубку, но вдруг передумал. Он захотел вытащить из этого человека его собственное мнение:

– Вы уверены, что Реверди – серийный убийца?

Адвокат ответил не сразу. Он обдумывал свой ответ. Он хотел, чтобы его слова прозвучали приговором.

– Жестокое животное, – произнес он наконец. – В двух известных случаях он нанес более двадцати ударов. Он изрезал им лица, половые органы, груди. Он действует в умоисступлении, под влиянием внезапного импульса, заставляющего его убивать без какого-то обдуманного плана, не принимая мер предосторожности. Жестокое животное. Ему просто хочется выпустить кровь из несчастных девушек.

Шрекер ошибался. На основании своего опыта Марк мог предположить, что Реверди действовал по заранее намеченному плану. Иначе его задержали бы уже после первого убийства. Напротив, он готовил свою ловушку. Ему удавалось завлечь молодую женщину в свое логово, а потом избавиться от тела. Но в одном адвокат был прав: он действовал в умоисступлении. Хаотичные, беспорядочные действия. Что-то приказывало ему убивать. Что именно?

По его телу пробежала леденящая дрожь. Вот какой ключ ему хотелось бы найти. Понять, где тлеет очаг зла в мозгу убийцы. Поэтому он задал еще один вопрос:

– Каковы шансы взять у него интервью?

– Ни малейших. Пока что он в прострации, но когда придет в себя, он не скажет ни слова.

После Камбоджи он не согласился ни на одно интервью.

Марк затрепетал:

– После Камбоджи?

– Одной журналистке удалось встретиться с ним, когда он сидел в пномпеньской тюрьме «Т-5». Но она не добила никаких признаний. Он, как обычно, играл в «короля приливов», воспаряющего в высшие сферы. Всякая чушь такого рода. Он ни слова не сказал по моему делу.

– У вас есть координаты этой журналистки?

– Какая-то Пизаи, по-моему... Она работает в «Пномпень пост».

Марк попрощался с адвокатом, рассыпаясь в обещаниях и благодарностях, потом посмотрел на часы: одиннадцать утра. В Пномпене пять часов вечера. Он подключился к Интернету, чтобы найти координаты камбоджийской газеты. Шрекер уже прислал ему портреты пукетских жертв.

Марк открыл оба приложения с помощью программы Picture Viewer. Адвокат был прав: пропавшие девушки были хороши собой, но совершенно не похожи друг на друга. И не имели ничего общего ни с Перниллой Мозенсен, ни с Линдой Кройц. У одной было квадратное лицо, и стянутые на затылке волосы подчеркивали его решительное выражение. Вторая смотрела искоса, из-под длинных вьющихся прядей. Объединяли их лишь возраст да загар: девушки, любящие путешествия и солнце.

Шрекер сообщил предполагаемые даты их исчезновения: март 1998 года в первом случае, январь 2000 года – во втором. Марк распечатал портреты в том же формате, что и фотографии Перниллы и Линды, после выложил их рядом на письменном столе, словно игральные карты. Странная игра, в которой возможен только один победитель.

Если эти четыре женщины действительно стали жертвами Реверди, то почему он выбрал именно их? Обладали ли они чем-то, что ускользало от Марка, каким-то признаком, какой-то особенностью, подстегивавшей его убийственное безумие?

Он прикрепил фотографии кнопками к стене и снова занялся поисками координат «Пномпень пост». Говорившая по-английски журналистка в редакции дала ему номер мобильного телефона Пизаи Ван Тхам.

Новый номер.

– Алло?

Марк начал объяснять причину звонка по-английски, но женщина перебила его по-французски. С явной радостью. У нее был странный голос, нежный и в то же время гнусавый. Чашка чаю с кислым привкусом лимона. Казалось, журналистку не удивил его звонок; судя по всему, он был не первым.

– Вы хотите, чтобы я присылать вам мое интервью с Реверди по электронной почте? Текст по-английски.

Марк дал ей адрес, потом продолжил:

– Вы – единственная журналистка, которой удалось взять интервью у Жака Реверди. С тех пор он больше не говорил...

В трубке прозвучал самодовольный смешок.

– Как вам это удалось? Чем объяснить эту честь?

Послышался новый смешок – этакое сдержанное мяуканье. Марк представил себе кошку редкой породы. Золотистая шерстка, зеленые глаза; и нарочитая томность.

– Все очень просто. Я была женщина.

– Женщина?

– Жак Реверди – соблазнитель. Охотник на женщин.

– Каким он показался вам при встрече?

– Очаровательный. – Она снова мяукнула. – Охотник на женщин!

Он вдруг вспомнил. Все нырлящики были мастерами соблазнять дам. Жак Майоль, Умберто Пелиццари: настоящие сердцееды. Но для Реверди любовь служила лишь маской. Пизаи продолжала:

– Особенно улыбка. Очень медленная, очень сладкая. Такой фрукт, вы понимаете? И голос. Очень горячо. Знаете, женщины это обожают... И он любит женщины.

Ее неправильный французский и это мяуканье начинали действовать ему на нервы.

– Вы думаете, он виновен?

– Нет сомнений. Он убивает женщины.

– Его оправдали в Пномпене, так ведь?

– Такая юстиция в Камбодже. Но виновен, нет сомнений. Я почувствовала за улыбкой...

Хочет кожу женщины.

– Вы только что сказали, что он любил этих женщин.

– Именно. Убийство: последняя степень соблазнения. Я учила французский в Сорбонне. «Дон Жуан» Мольера. Я поняла глубокая правда. Соблазнение – это разрушение. Дон Жуан убийца. Он убивает Эльвиру. Он ворует ее сердце, ее душу, ее жизнь. Реверди так же. Убийца женщин.

Она снова рассмеялась, в ее смехе слышался деланный страх. Марк смутно понимал, что она хотела сказать. Убийство как высшая стадия обладания. Кошечка заключила:

– Бабник. Если хотите интервью, пришлите своя подружка.

– С ним можно связаться в Ипохе?

– Он уже не в Ипохе.

– Что?

– Реверди ушел из больницы.

Марк забыл об учтивости.

– Мать честная! Где же он?

– Национальная тюрьма в Канаре, возле Куала-Лумпура. Уехал вечером вчера, четверг, тринадцатое февраля. Психиатры сказали: выздоровел. Во всяком случае, в уме. Отвечает за свои действия.

Марк не знал, хорошая это новость или плохая. У него не было никакой возможности установить контакт с Реверди. И он по-прежнему не знал имени адвоката.

– Кто принял решение о переводе?

– Он. Он попросил вернуться в тюрьму... нормальную.

– Он попросил?

– Если он чего-то не хочет, это чтобы его считали сумасшедшим!

8

Еда была разложена по отделениям в коробке под пластиковой крышкой.

В самом большом отделении в жирном соусе – явно из баранины, – плавали коричневые волокна. Рядом – пригоршня слипшегося риса. Еще в двух углублениях – порция сыра в полиэтиленовой упаковке и маленький вяленый банан.

Сидя на земле, Жак Реверди, обнаженный по пояс, мысленно подсчитал имеющиеся в его распоряжении калории. Если прибавить эту трапезу к завтраку и к обеду, получится около тысячи шестисот. То есть примерно на тысячу калорий в день меньше по сравнению с его обычным рационом. Следовало бы найти способ компенсировать эту нехватку.

Он поднял глаза, приложив руку козырьком ко лбу, чтобы защититься от солнца. В одиннадцать часов утра двор слепил белизной. Заключенные, выстроившись в очередь, ждали еды. Все они были одеты в белые футболки и пытались держаться в тени, падавшей от стены столовой. Их растянувшиеся на земле черные силуэты напоминали подвижную бахрому щупалец морского полипа. Некоторые уже ели, скорчившись над своей порцией у стен разбросанных по двору зданий.

Основные постройки – столовая, помещение для свиданий, административный корпус – располагались в центре площадки и, казалось, вырастали прямо из асфальта. Заключенные могли передвигаться тут совершенно свободно, но, пройдя несколько шагов, неизбежно оказывались перед стеной или запертой дверью. Здесь царила всего лишь видимость свободы – мираж.

Реверди поднял глаза выше и посмотрел на наблюдательные вышки, в четырех углах двора. Длинные сплошные стены между этими башнями были увенчаны колючей проволокой, на которой острые шипы заменили бритвенными лезвиями.

Он улыбнулся: эта враждебная картина ему нравилась.

Все лучше, чем оставаться в Ипохе.

Впрочем, для человека, пойманного с поличным на месте убийства, он устроился неплохо. Отправляя еду в рот пальцами, он подвел итог своим удачам. Вначале ему еле-еле удалось избежать линчевания в Папане. Потом, даже в состоянии транса, он не выдал ни одной детали Тайны. Теперь он был в этом уверен. Последняя встреча с психиатром в Ипохе, накануне перевода, подтвердила: никто ничего не знал.

И вот ему удалось попасть в Канару и раствориться в общей массе. Две тысячи заключенных, в том числе самые страшные преступники страны: убийцы, насильники, наркоторговцы. Добавить блок, отведенный женщинам, и здание, где содержались несовершеннолетние. Настоящий город из белых или бежевых барачков, отражавших солнце в течение всего дня и сверкавших так, что перед глазами начинали роиться черные мушки.

После приезда сюда Реверди опасался худшего. Во время обыска он заметил, что на стенах приемного отделения развешаны вырезки из газет, относящиеся к его аресту. Тюремщики не откажут себе в удовольствии обломать западного «хищника». Пусть теперь его называют «243–554», он все равно остается западной звездой. Знаменитым убийцей, сама известность которого воспринималась как издевка над тюремными властями.

Но он ошибся: здесь больше всего ценили спокойствие. Его даже не поместили в зону усиленной охраны. Каким-то необъяснимым чудом ему предоставили полную свободу перемещений – то есть свободу жариться по десять часов в этом дворе.

Он начинал верить, что здесь за ним стоит ангел-хранитель. Особенно когда увидел свою камеру. Почти что однокомнатная квартира, квадрат пять на пять метров. Голые стены кремового цвета, цементный пол со скатанной циновкой. Все, что он так любил: чистота и пустота. Справа даже санузел, с душем и унитазом, отделенный низенькой перегородкой, выложенной

серой плиткой. Никаких уродливых граффити, никаких дырок в цементе, покрытом картоном во избежание запахов, никаких грязных следов, оставленных прежними узниками, на полу. Все как новенькое.

И главное, он один. Никаких человеческих отбросов, никаких вонючих товарищей по несчастью, никаких онанистов по соседству, как в «Т-5». Не было даже сокамерника, чтобы разделить с ним этот дворец. Такая изоляция воспринималась не как мера безопасности, а как настоящая привилегия.

Когда надзиратель принес мыло и полотенце, Реверди спросил, кому он обязан всем этим, но тот лишь пожал плечами, давая понять, что не знает.

– Это меню для европейцев.

Где-то рядом прозвучала французская речь. Реверди повернул голову: рядом с ним возник невысокий мужчина в свободно болтающейся футболке.

– Сыр, – добавил он. – Это небольшой «бонус» для людей с Запада.

Он уселся по-азиатски, на пятки. Жак открыл было рот, чтобы рявкнуть ему «заткнись», но одумался. Другие заключенные во дворе наблюдали за ним. Лица тамильцев, словно вырезанные из обожженной коры, шафрановая кожа малайцев, медная – китайцев. Он много лет жил бок о бок с этими народностями. При одной мысли о том, чтобы заговорить с ними, снова иметь дело с их языком, их маниями, их предрассудками, его охватывала тоска. Француз – это другое дело.

Он улыбнулся, не отвечая. Человек был совсем маленького роста. Он напомнил Реверди крошечную серую обезьянку, из тех, что живут в лесу группами, чтобы лучше защищаться. Его лицо, словно из дубленой кожи, было ужасным. Разбитое, изломанное, все в каких-то провалах. Создавалось впечатление, будто над ним поработали бритвой или он стал жертвой американского рестлинга. Эта голова с вмятинами вызвала ассоциации с Четом Бейкером. Лицо этого «крутого» певца и трубача, в молодости отличавшегося томной красотой, с годами постепенно скукоживалось и сморщивалось и в конце концов, стало каким-то искривленным, как будто вдавленным внутрь, с глубоко провалившимися глазами. Безобразие заключенного на этом не заканчивалось: из-за шва на заячьей губе левая сторона его лица казалась парализованной.

– Меня зовут Эрик, – сказал он, протягивая руку.

Реверди пожал ее:

– Жак.

– Не надо представляться. Ты здесь уже звезда.

– Еще французы есть?

– С тобой нас двое. Есть еще два англичанина, один немец, несколько итальянцев. Больше европейцев нет. Мы тут все за наркотики. Большинство пожизненно. Меня приговорили к вышке. За тридцать граммов героина. Но потом мне изменили меру на двадцать лет. Если буду умницей, выйду лет через десять – пятнадцать. Никто не жалуется. Все лучше, чем в петле.

Эрик замолчал, явно жалея, что заговорил с Жаком о виселице. Он уселся на землю поудобнее и начал ковырять ногти на ногах.

– Повезло, что мы французы. Из посольства каждый месяц присылают врача, чтобы проверить, как наше здоровье. Нас не лупят. Надзиратели отыгрываются на индонезийцах или на тех, у кого нет посольства в Малайзии. – Он захихикал, не отрывая глаз от своих пальцев. – Им достается о-го-го!

Жак наблюдал за сгрудившейся под галереей группой охранников в темно-зеленой форме, с дубинками в руках. Выглядели они куда подозрительнее, чем сами заключенные.

– Расскажи про надзирателей.

– До прошлого года все шло нормально. Даже было скорее тихо. Канара считается образцовой современной тюрьмой. Но в прошлом декабре сменился шеф службы безопасности. Пришел тип по имени Раман со своими ребятами. Ад!

Жак прислонился головой к стене.

– Я имел дело со всеми кругами ада.

– Раман – чокнутый. Продажный до трусов, но это нормально. Главное, что он – правоверный мусульманин, почти ваххабит, и в то же время – педик. В его безумной башке все это как-то совмещается. Иногда на него находит настоящее бешенство. И нам достается. Но, в общем-то, такие взбучки – не самое страшное. Самое страшное – это когда он становится ласковым, если ты понимаешь, о чем я. Пока что я не попадался, и лучше не думать о том, что происходит в душевых.

Реверди улыбнулся, подумав: «При твоём-то уродстве...» Он не спускал глаз с людей в форме, а те, в свою очередь, наблюдали за ним. Казалось, их бьет лихорадка, – в этой нервозности было что-то ненормальное.

– Они что, все подсевшие?

– Только ребята Рамана. Кокс, ЛСД, амфетамины. Если они после яа-баа, лучше им не попадаться.

Уже лет пятнадцать в Юго-Восточной Азии царили амфетамины. Самым страшным среди них оставалась яа-баа. Маленькая таблетка в форме сердечка, пахнущая клубникой или шоколадом, разрушала нервную систему и вызывала приступы немотивированного насилия. На первых страницах тайландских газет регулярно появлялись сообщения об убийствах, совершенных под влиянием яа-баа.

– Но мы все-таки не в средневековье, – продолжал Эрик, стараясь быть убедительным. – Директор тюрьмы с них глаз не спускает. Были жалобы. При первом же сигнале сукина сына вызовут на дисциплинарный совет вместе с его «охреневшим воякой». А пока что приходится считать дни.

Теперь Жак изучал заключенных, разбившихся со своими мисками на кучки по этнической принадлежности. Все они были босые и сидели сторбившись на корточках – казалось, они одновременно и ели, и испражнялись.

– Разные национальности сидят по разным баракам?

– Изначально нет. Но с помощью взяток заключенным удастся соединиться. Это естественное желание. Власти закрывают глаза. А как только найдут, к чему прицепиться, так их снова разделяют. – Он расхохотался. – Ворошат муравейник...

– А белые?

– Растворились в общей массе. Англичанам удалось найти общую камеру. У китайцев. Итальянцам тоже, у индийцев.

Реверди подумал о своей маленькой квартирке с ванной. Он еще не понял, в какую общину попал. Если только его не поместили в особую жилую зону, отведенную для малайцев и богатых китайцев.

– Каждый клан занимается своим делом?

– А то! Китайцы и малайцы живут, как привыкли: первые все продают, вторые ни хрена не делают. Индийцы пытаются руководить, играют в адвокатов, готовы разрешить любую свару за несколько ринг-гитов. Индонезийцы – это рабы. За кусок сыра можешь каждый день покупать себе нового. С филиппинцами дело серьезнее.

– Служба порядка?

– Убийцы. Самые худшие: им терять нечего.

Реверди продолжал знакомиться с территорией, теперь его внимание привлекли большие помещения под толевой крышей, стоявшие за центральными бараками. Эрик проследил за его взглядом:

– Мастерские. При каждом бараке своя. Ты же знаешь принцип: нам занимают руки, чтобы ничего не оставалось в голове. А платят банками сардин. Но к тебе это не относится: те, кто в предварительном, не имеют права работать.

Эрик вытянул узловатую руку:

– За этими бараками – футбольная площадка. Дальше, вдоль болота, хижины на сваях; некоторые из ребят умудрились сварганить себе жилье, купили материал у надзирателей. Своего рода второй дом...

– А эти?

Жак указал вправо на три приземистых строения со следами сырости на стенах.

– Первое – это *guian*. «Ломка». Туда отправляют тех, кто не может купить себе дозу. Если они слишком вопят, Раман сажает их во второй блок – в карцер.

– А третий?

– Третий – это... это...

Эрик колебался, но Жак уже понял.

– Барак для смертников, – проговорил наконец Эрик. – Виселица там, внутри... Вроде бы...

Он снова замолчал. Начал изучать пыль под ногами. Реверди сглотнул. Коридор смерти. Он поклялся себе, что не будет о нем думать, и знал, что его силы воли на это хватит. Новый вызов: жить до последней секунды, не думая о смерти.

Он поднял лицо к солнцу и почувствовал, как обжигающие лучи скользят по коже. Он улыбнулся. Ощущение. Жизнь. Он снова открыл глаза и спросил:

– А шансы на побег есть?

– Ноль процентов. Из Канары не убегают.

Он вспомнил о фразе, которой приветствовали заключенных надзиратели в Освенциме: «Отсюда выход один – труба». Для него выходом будет веревка.

Эрик уточнил:

– Высота стен – семь метров. Два года назад ребятам удалось влезть на стену через крышу столовой. Один распорол живот о проволоку. Второй упал с той стороны, так у него обе коленки под ребра вошли. Последнего поймали в болоте, он захлебнулся грязью. У них тут особые собаки, чующие запах даже в воде. Их выписывают из Штатов. Какие-то специально выведенные породы, приученные нести караульную службу. Но они обычно не успевают: находят только трупы.

Внезапно взгляду Реверди предстала странная сцена. Метрах в ста слева, в глухом углу между строениями, вдоль стены, отбрасывая на землю короткую тень, шел мужчина с выбритой головой, направляясь к другому заключенному. Этот другой был совсем юный мальчик с длинными черными волосами, блестящими от кокосового масла, шорты и футболка обтягивали его тело, подчеркивая каждую складочку. Это женоподобное создание взяло мужчину за руку, и они исчезли под серой тканью.

– Тайцы, – пояснил Эрик. – Я про них забыл. Сто рингитов за визит. Они собирают целое состояние, чтобы потом сделать операцию. Я могу тебе и шлюху найти. Один надзиратель приводит по пятницам, во время службы. Если хочешь, ты...

– Нет. Никаких женщин.

Эрик, похоже, только сейчас заметил, что тело Реверди гладко выбрито.

– Тайцы, – прошептал он с кривой ухмылкой, – вот что тебе может подойти.

– Это для погружений.

– Что?

– Бритая кожа: это для погружений. Лучше прилегает комбинезон.

Эрик облегченно вздохнул:

– Если хочешь покурить или уколотся, у меня есть план, как...

– И никаких наркотиков.

– Мобильник?

– Нет.

Эрик озадаченно молчал. Реверди кинул ему кость:

– Когда мне что-то понадобится, я обращусь к тебе.

Эрик одарил его самой прекрасной из своих улыбок: его рот напоминал клавиатуру фортепиано: белые и черные клавиши. Он поднялся с явно довольным видом торговца, только что подписавшего контракт.

В этот момент новый голос окликнул Реверди:

– *Жупра!*

Перед ним стоял охранник. Жак с удивлением встал. *Жупра* — он не ожидал услышать это слово так скоро.

Оно означало просто «посещение».

9

Едва зайдя в помещение для свиданий, он понял, что стоит перед своим ангелом-хранителем.

Китаец лет тридцати, затянутый в дорогой костюм. Маленький, очень толстый, обильный блестящий пот покрывал его, как тонкая пленка лака. В правой руке он держал портфель из красной кожи. В согнутой левой – коробку сигарет, плитки шоколада, журналы. Никаких сомнений: это его ангел-хранитель.

Надзиратель вел Жака через помещение, подталкивая в спину. По такому случаю на запястья и на щиколотки ему нацепили стальные цепи. Ему казалось, что он играет роль – роль кровавого убийцы, – в которую сам не верил. Цепи, помповое ружье охранника, военный шаг – все эти детали казались ему фальшивыми; этакий спектакль, имитирующий реальность. Если бы Реверди вдруг решил перейти к реальным действиям – например, удавил охранника своими кандалами, – тот отдал бы Богу душу, даже не успев зарядить свое ружье.

Помещение для свиданий представляло собой длинную узкую комнату со множеством вентиляторов. Там стояли несколько столов, по обе стороны от них – стулья. Солнце проникало в комнату через слуховые окна под потолком. Его тонкие лучи, преломляясь на всех углах, сверкали, словно лучи лазера.

Китаец положил предметы, занимавшие ему руки, и сразу перешел к делу:

– Меня зовут Вонг-Фат, – сказал он по-английски, опуская протянутую было руку при виде кандалов. – Я ваш адвокат. Называйте меня Джимми. Я на этом настаиваю. Это мое английское имя.

– Я не просил никакого адвоката.

Адвокат развел руками в знак понимания:

– Такая работа.

В это мгновение Реверди почувствовал, как на него наваливается уныние. При мысли о предстоящей комедии – допросы, очные ставки, следственные эксперименты, потом фарс процесса с участием малайских судей в белых париках – он почти пожалел, что избежал линчевания в Папане.

Вонг-Фат, не переставая улыбаться, указал охраннику на стол. Тот силой усадил Реверди и пристегнул цепи, идущие от его рук и ног, к вделанному в пол кольцу. В это время китаец устроился по другую сторону стола, передвинув при этом свой портфель, плитки шоколада и пачки сигарет.

Реверди рассматривал своего собеседника: папенькин сынок, подумал он про себя, выросший на американских кексах и обжаренной лапше. Рубашка от Ральфа Лорена обтягивала его, как колбасная шкурка. Он него пахло дорогими мужскими духами – наверное, он вылили на себя полфлакона. Желтый цвет кожи придавал ему сходство с ароматизированной восковой фигуркой. В конце концов Жак улыбнулся: его адвокат напоминал рождественскую свечку.

Охранник отошел к двери, не выпуская из рук ружья. Вонг-Фат дождался, пока он оказался достаточно далеко, и потом придвинул принесенные предметы к Реверди:

– Подарки.

Реверди не ответил. Даже не посмотрел вниз. Китаец добавил все с той же улыбкой:

– Надеюсь, вам нравится ваша камера. Эти кретины хотели поместить вас в зону особого режима.

Реверди никак не отреагировал. Вонг-Фат весело хлопнул в ладоши, как бы обозначая начало разговора. Он осторожно положил перед собой свой портфель, погладил кожаный клапан. Потом двумя ударами пальца открыл золоченые пряжки.

По тому, как он это проделал, можно было догадаться, что китаец испытывает привязанность к своему портфелю – предмету, без сомнения, сопровождавшему его на протяжении всего обучения. Частные школы в Куала-Лумпуре. Факультеты в английских университетах. Возвращение в «КЛ», где папа наверняка оплатил ему богатую международную клиентуру. Что же заставило его согласиться на работу по этому делу?

– Буду с вами откровенен, – заговорил он, брызгая слюной. – Ваше дело оборачивается неблагоприятным образом. Совсем неблагоприятным. Тут у меня протокол, составленный полицейскими в Мерсинге. Они утверждают, что вас задержали на месте совершения преступления. Вот копия отчета о вскрытии – документа, составленного лучшими патологоанатомами Малайзии. Они насчитали на теле двадцать семь ножевых ран...

Жак по-прежнему хранил молчание. С того момента, как он сел, он не шевельнулся.

– Они подробно описывают раны и подчеркивают «дикий» характер преступления, «патологическую жестокость»...

Адвокат замолчал, ожидая реакции собеседника. Реакции не последовало. Вытащив из портфеля новую пачку листов, он продолжил:

– Я также получил результаты анализов Правительственного департамента химии в Петалинг-Джайя. Эти результаты удручают. Отпечатки пальцев на ноже – ваши. Кровь, обнаруженная на ваших ногах и коже, принадлежит жертве...

Он потряс другими документами:

– Разумеется, есть и свидетельства рыбаков из Папана. Но их я отведу без труда: этих людей самих задержали за попытку линчевания. Остается полицейский протокол... – Он положил пухлую руку на документы. – Это дело содержит тяжкие обвинения, Жак. Я ведь могу называть вас «Жак»?

Не получив ответа, он повторил, уже без улыбки:

– Очень тяжкие... С этой точки зрения нет никакой возможности снять с вас вину.

В голосе юриста, в его поведении ощущалось какое-то возбуждение. Преступник, которого ему предстояло защищать, не пугал молодого человека и не вызывал у него отвращения. Напротив, дело его как будто интересовало. Жак внезапно понял: Вонг-Фат добровольно предложил свои услуги, чтобы пообщаться с «чудовищем».

– Есть только один путь: настаивать на невменяемости. Это единственный способ избежать высшей меры. Вы получите пожизненный срок. Но, если налицо будут признаки выздоровления, лет через десять можете рассчитывать на освобождение по заключению экспертной комиссии.

Реверди молчал. Китаец откашлялся:

– В этом смысле ваш небольшой срыв в Папане сыграл весьма положительную роль. Так же, как ваше пребывание в Ипохе. Жаль, что вы не остались в клинике. – Он сжал кулак. – Если бы мне удалось найти дурака, который вас оттуда выпустил, я...

– Это я сам.

При звуке его голоса Джимми подскочил.

– Я попросил, чтобы меня перевели в Канару.

– Я не знал... Это очень неприятно... С точки зрения такой линии защиты.

– Я не стану добиваться признания невменяемости. Я не сумасшедший.

Вонг-Фат расхохотался так, что буквально повалился на стол. Он вдруг стал похож на расшалившегося плохого ученика.

– Но это единственный способ избежать виселицы!

– Послушайте, – отрезал Реверди (он по-прежнему сидел неподвижно, так что ни одно звено цепи даже не звякнуло). – Я никогда не вернусь в Ипох. Я не нуждаюсь в лечении.

Китаец нахмурился:

– Так что же вы собираетесь сделать? Признать свою вину?

– Нет.

– Но не станете же вы утверждать, что невиновны?

– Я ничего не буду утверждать. Я ничего не скажу. Пусть правосудие делает свою работу. Меня это не касается. Кстати, я не стану отвечать ни на один вопрос.

Джимми барабанил пальцами по своему старому портфелю – к такому он был не готов. Его кадык вибрировал, как шарик бильбоке. Он искоса посмотрел на Реверди, потом решился на новую попытку:

– Пока что надо, чтобы вы пообещали одну вещь. – Он заговорил доверительным тоном. – Не позволяйте никому входить с вами в контакт. Особенно людям из французского посольства! Они захотят назначить консультанта. Французского адвоката, который начнет вмешиваться в это дело. Это произведет очень скверное впечатление на суд. Малайские судьи чувствительны к вещам подобного рода.

Жак молчал, но теперь его молчание могло быть истолковано, как согласие.

– И разумеется, – продолжал адвокат, – никаких журналистов. Никаких заявлений, никаких интервью. Пока что надо затаиться. Вы понимаете.

– Я тебе только что сказал. Я не буду разговаривать. Ни с судьей. Ни с журналистами. Ни с тобой.

Вонг-Фат напрягся. Реверди изменил тон:

– Если только ты сам мне кое-что не расскажешь.

– Простите?

– Если хочешь от меня откровений, сначала докажи мне, что ты сам со мной откровенен.

– Я не понимаю, что вы...

– Тс-с, – прошептал Реверди, прикладывая палец к губам. Его цепи звякнули в первый раз.

Китаец рассмеялся. Очень громко, преувеличенно громко: явный признак смущения.

– Ты родился в Малайзии?

Джимми утвердительно кивнул.

– В какой провинции?

– Перак. Камерон-Хайлэндс.

Реверди знал некоего Вонг-Фата в Камерон-Хайлэндс. Возможно ли, чтобы случай...

– Чем там занимается твой отец?

– У него ферма по выращиванию...

– Бабочек?

– Да. Вы... Откуда вы знаете?

Реверди в первый раз улыбнулся:

– Я знаю твоего отца. Я у него когда-то покупал продукцию.

Китаец казался совершенно растерянным.

– Ка... Какую продукцию?

– Вопросы задаю я. Ты рос там, в лесу?

– До пятнадцати лет, – неохотно ответил Джимми. – Потом я продолжил учебу в Англии.

– И ты вернулся в страну?

– В двадцать лет. Чтобы закончить юридический в Куала-Лумпуре.

– Потом?

– Вернулся домой. В Камерон-Хайлэндс.

Подобное возвращение в глушь выглядело странно. «Навороченное» общество Куала-Лумпура очень ценило холмы Камерон-Хайлэндс, но только как место отдыха. Жак не мог себе представить адвоката, заживо похоронившего себя в лесу.

– Я там родился, – добавил Джимми, словно почувствовав скепсис своего собеседника.

Реверди задумался. Порядочность этого толстого отсталого подростка вызывала у него все больше сомнений.

- Ты там шляешься по округе?
- По округе?
- Вокруг Камерон-Хайлэндс, гуляешь там?
- Ну, когда как. В выходные...

Жак уловил странный запах. Что-то кисловатое, перебивавшее духи китайца. Запах страха. Он продолжал:

- Куда ты едешь?
- На север.
- На границу с Таиландом?

Джимми корчился на своем стуле. Запах усиливался. Молекулы тревоги парили в воздухе. Реверди настаивал:

- Почему именно туда?
- Чтобы... чтобы ловить бабочек.
- Что за бабочки?

Джимми не ответил.

- Такие маленькие киски, хорошенькие, тепленькие? – предположил Реверди.
- Что? Я... я не понимаю, что вы хотите сказать... это абсурд.

Китаец, дрожа, закрыл свой портфель. Жак уставился на его толстые ручки, и вдруг перед ним встала картина: тот же толстяк, только помоложе, мастурбирует в папашиных вольерах, среди бабочек, скарабеев, скорпионов, тихонько получает удовольствие под жужжание насекомых. Представив себе это зрелище, он понял, что китаец у него в руках – отныне он стал заложником его интеллекта. Он отчеканил:

– С девяностых годов, когда появился СПИД, малайцы привозят к тайской границе девственниц. Насколько я знаю, девочку можно лишиться невинности за пятьсот долларов. Немного для такого богатенького, как ты...

– Вы ненормальный.

Вонг-Фат встал, но Реверди поймал его за запястье и заставил сесть. Жест был настолько быстрым, что охранник не успел даже дернуться. Жак прошептал:

– Скажи мне, что это неправда! Что ты каждый уикенд не едешь искать себе девчушек. В Керох, Танах-Хитам, Кампонг-Калай. За это стоит заплатить. Еще бы: какое удовольствие потрахать этих малышек, без презерватива!

Китаец молчал. Его глаза бегали, как будто он искал убежища на полу. Реверди медленно взял его за руку и мягко сказал:

– Ты не должен ни о чем сожалеть, Джимми.

Китаец поднял глаза. По его щекам катились крупные слезы.

– Знаешь эту фразу из «Риндзай Року»? «Если встретишь Будду, убей его; если встретишь своих родителей, убей их; если встретишь своего предка, убей предка! И только тогда ты получишь избавление!» Ты должен все принимать. Никогда не стыдись, понимаешь?

Он увидел, как в зрачках Джимми блеснул огонек надежды. Вот за чем он пришел сюда: он хотел приобщиться к злу.

Жак выждал минуту в полной тишине, чтобы дать ему перевести дух, потом заговорил опять:

– Теперь моя очередь.

Китаец заерзал на стуле. Он выглядел, как человек, которому наконец разрешили сойти с раскаленных углей.

– Встань и зайди мне за спину.

После длительных колебаний Вонг-Фат повиновался. Охранник выпрямился; он внимательно наблюдал за сценой. Джимми сделал в его сторону успокаивающий жест.

– Посмотри на мой затылок.

Он чувствовал прерывистое, сдавленное дыхание человека, стоящего за его спиной. Он чувствовал едкий, вязкий запах его пота. И в то же время он наслаждался сухостью собственной кожи. Она не выделяла влагу. Его стриженные ежиком волосы не склеивались. Он принадлежал к минеральному миру.

– Что ты там видишь?

– Я... след.

– Какой след?

– Полоску. Вроде шрама, где не растут волосы.

– Какой формы этот шрам?

Молчание. Он догадывался, что китаец, склонившись над его затылком, тщательно подбирает слова.

– Я бы сказал... как петля, спираль.

– Садись обратно.

Джимми вернулся на свое место, он выглядел спокойным. Реверди заговорил своим самым внушительным тоном – так он говорил на своих курсах дайвинга:

– Это не шрам. Не в том смысле, который ты имел в виду. Наружной раны не было. Это облысение.

– Облысение?

– После психологического потрясения в каком-то месте черепа волосы больше не растут.

Кожа сохраняет следы травмы.

– Какой... какой травмы?

Реверди улыбнулся:

– Этого я тебе сегодня не скажу. Ты просто должен понять, что, когда я был ребенком, со мной кое-что случилось. После этого потрясения я и храню этот рисунок, запечатленный на моей коже. Петлю, напоминающую хвост скорпиона.

Китаец сидел разинув рот от изумления. Его кадык больше не двигался, он забывал сглатывать слюну.

– Любой другой отрастил бы волосы, чтобы закрыть эту метку. Но не я. Ослабляет только та рана, которую ты скрываешь.

Китаец не сводил с него глаз. Он часто моргал, словно его слепила лампа.

– Моя рана – это не признак слабости. И не увечье. Это знак силы, и весь мир должен увидеть и принять его. Никогда ничего не прячь, Джимми. Ни своих желаний, ни своих грехов. Твой порок, твоя страсть к девственницам – вот след, который ты оставишь в мире.

Реверди снова сделал паузу – Джимми был в восторге. Потом, звякнув своими цепями, он произнес уже менее торжественным тоном:

– Если хочешь быть моим другом, изгони стыд из своего сердца. И прекрати говорить со мной этим снисходительным тоном. Не объясняй мне законов твоей страны. Ты еще ходить не умел, а я уже погружался с рыбаками-контрабандистами у Пенанга. И главное, никогда больше не говори со мной о невменяемости.

Жак крикнул:

– *Warden!* (Охранник!) – и закончил мягко, словно протягивал собеседнику вскрытый плод манго: – Можешь унести сигареты. Я не курю.

10

Он не нашел в своей библиотеке того, что искал.

Теперь он решил попытаться счастья в архивах «Сыщика».

Это гигантское помещение напоминало лабиринт. Издательская группа, владевшая журналом, выкупила архивы старых изданий, относящихся еще к началу двадцатого века. Глядя на коридоры, заставленные металлическими шкафами, можно было подумать, что здесь хранятся страховые контракты или досье управления социального страхования. На самом деле створки этих шкафов скрывали значительную часть человеческих преступлений – убийств, изнасилований, инцестов. Здесь хранились все мыслимые и немыслимые гнусности, тщательно рассортированные по годам, номерам и категориям.

Марк часто приходил сюда поработать, особенно когда вел рубрику «Черные досье истории», посвященную преступлениям прошлого. Помимо архивов как таковых, там имелась рабочая комната, где стояли несколько столов и автомат, продающий кофе. Настоящая библиотека.

Однако ключевым элементом любого поиска считался «домашний» архивариус Жером – создавалось впечатление, что его купили вместе с архивами. Никто не знал его фамилии. Этот человек разговаривал так, словно сам пережил все процессы и расследования, сведения о которых хранились тут. Он не забывал ни одного имени, ни одной даты. Внешность его была карикатурной. Без возраста, без каких-либо особых примет, он в любое время года натягивал на себя несколько свитеров, один на другой. Этакий слоеный пирог из шерсти и нейлона. Услышав вопрос Марка, Жером без колебаний направил его по нужному пути.

Марк хотел перечитать досье, составленное четырем годами раньше одним из коллег. С утра в понедельник, бродя вдоль железных шкафов, он размышлял о прошедших выходных. Ему ни на минуту не удалось отвлечься от мыслей о Жаке Реверди. Человек с навязчивой идеей убийства. Жестокий зверь. Соблазнитель. Бабник. Слова, произнесенные Эриком Шрекером и маленькой камбоджийкой, вертелись у него в голове. Не сомневаясь в их правоте, он все же был уверен, что в настоящий момент никто не знал правды ни об этом человеке, ни о его поступках.

В пятницу он кое-как слепил новую статью, скорее развивавшую тему камбоджийского дела 1997 года. Но сейчас ему уже казалось, что написать интересный материал или откопать сенсацию для Вергенса будет не так-то просто. В нем нарастало непреодолимое убеждение: Жак Реверди был Воплощением Зла, преследующим тайную цель. Одним из тех редких алмазов, которые Марк так давно разыскивал. Убийцей, поднявшимся, благодаря своему духовному развитию, до понимания сути собственного невроза и способным помочь ему ясно увидеть лик Преступления.

В течение двух дней он сидел взаперти в своей квартире, снова закопавшись в документы. Вырезки из газет, фотографии, биографии, интернет-сайты – он просмотрел все. Он мог наизусть пересказывать целые куски из прочитанного. Но все факты, исследования, комментарии, славословия неизменно относились к «положительному» этапу в жизни Реверди. Что же касается интервью Пизаи, оно было спокойным, как море в штить.

Вечером в воскресенье, измученный сорока восемью часами бесплодных поисков, он понял, что ему требуется: войти в контакт с убийцей. Любыми средствами вырвать у него интервью.

Только так он мог узнать больше.

В голову ему пришла одна идея, еще не вполне оформившаяся, но явно заслуживавшая внимания. Марк остановился в одном из коридоров: он наконец увидел шкаф, который искал.

Отодвинув створку, он вытащил старый номер «Сыщика». Стоя перелистал его и нашел нужную статью.

Речь в ней шла о переписке между заключенными и людьми «с воли». Марк не очень разбирался в этой теме, он знал только, что серийные убийцы получали весьма разнообразную почту: оскорбления, призывы к раскаянию, письма с выражением сострадания, но также и стихи, признания в любви, слова восхищения...

Пробегая глазами статью, он восстанавливал в памяти цифры и факты. Убийца типа Ги Жоржа получал во время суда до ста писем в день. Американские убийцы переплюнули его – они создавали собственные сайты в интернете, где рассказывали о себе (весьма красочный сайт был у Чарльза Мэнсона), или продавали фотографии с автографами, картины, эскизы, стихи и прозу собственного сочинения.

Однако в репортаже говорилось не только о знаменитостях. Все заключенные стремились к контактам с внешним миром. Тюремная переписка представляла собой особую вселенную. Сфера обменов, чаще всего организованных специальными благотворительными организациями. Во Франции действовали «Почта Бове», «Полынный ликер», «Безликая дружба»... Через них пересылались тысячи писем. Проявляя осторожность, организации всегда советовали добровольным корреспондентам пользоваться псевдонимами и давать свой рабочий адрес. Публиковались также бесчисленные мелкие объявления. Например, рубрика «Чувства в тени» еженедельника «Бродяга» размещала просьбы заключенных, желавших найти корреспондента, подружку или родственную душу.

Родственная душа.

Именно эта тема интересовала Марка. Количество романов, завязавшихся подобным образом, не поддавалось исчислению. Чтобы описать ситуацию, достаточно привести две цифры: девяносто процентов писем из мест заключения писали мужчины, а восемьдесят процентов писем с воли – женщины. Очень скоро переписка принимала любовный характер, а иногда получала счастливый финал: бракосочетание по выходе на свободу или прямо в тюрьме.

Порой речь шла о любви.

Порой – просто о сексе.

Писавшим в тюрьму приходилось сталкиваться с порой нескрываемыми, порой лишь угадываемыми между строк фантазиями заключенных. Эпистолярные отношения становились для них эрзацем отношений физических.

Читая это, Марк чувствовал, что его мозг раскаляется добела. Он помнил, что журналист писал о некоторых отклонениях от нормы, связанных с подобной перепиской. Заключенные – легкая добыча; эти закоренелые преступники никому не доверяют, но в то же время они – мужчины, испытывающие от скуки и одиночества.

Он обнаружил забавные случаи. Во Франции одна женщина «распаляла» заключенного своими чувственными письмами, поощряя его к описанию собственных эротических фантазий. Администрация тюрьмы, встревоженная этой порнографической игрой, выяснила, что женщина была замужем. Она писала письма вместе с мужем: эти извращения возбуждались, читая ответные послания.

В Соединенных Штатах из такого рода розыгрышей умели извлекать прибыль. Многие заключенные тюрем Калифорнии и Флориды поддерживали любовную переписку, температура которой накалялась от раза к разу. Вскоре они получили письма с предложением прислать им за определенную сумму фотографии, запечатлевшие их корреспонденток «в натуре». Истекая потом и спермой, те платили, рассчитывая получить снимки женщин, с которыми якобы состояли в переписке. На самом деле никаких корреспонденток не существовало: тут действовала банальная порнографическая сеть, управляемая некими хитрецами, которые решили таким образом придать большую пикантность своим стандартным фотографиям – и повысить цену.

Закоренелые преступники.

И одновременно – мужчины, изнывающие от скуки и одиночества.

Марк закрыл журнал и пошел к ксероксу. В ушах у него звучал голосок Пизаи: «Бабник. Если хотите интервью, пришлите своя подружка». Он дошел до аппарата и начал копировать все подряд, страницу за страницей, даже не опуская крышку.

С каждой вспышкой, освещавшей его лицо, его план становился все яснее. И вдруг в голове у него словно прозвучали четыре слога.

Э-ли-за-бет.

Именно это имя он и выберет.

11

На кастингах Хадиджу поддерживало одно: философия.

В часы ожидания, в комнатах, пропахших смесью табака и духов, когда остальные болтали или молились, она мысленно повторяла свои задания. Когда ее вместе с остальными запикивали в комнату без окон и мебели, если не считать нескольких рядов поломанных стульев, она вспоминала три ступени познания Спинозы. Когда ей предстояло просто продемонстрировать свое сложение, она вызывала в памяти диалектику «хозяина и раба» Гегеля. А если ее просили сделать несколько па в кабинете директора кастинга, она думала о воле к могуществу Ницше. В такие моменты способность сосредоточиваться помогала ей забыть, что она представляет собой всего лишь бездушную плоть – и не более того. Даже если эта плоть претендовала на то, чтобы стать самой дорогой в Париже.

Сегодня она размышляла над главой своей диссертации, посвященной запрету инцеста. В книге «Элементарные структуры родства» Клод Леви-Стросс утверждал, что единственной общей чертой между человеческим и животным сообществами, единственной точкой соприкосновения между природой и культурой является именно запрет инцеста. Социальный, но в то же время универсальный закон.

Этот тезис особенно занимал Хадиджу. Дело в том, что этнолог ошибался: казалось, он не принимал во внимание, что древние общества, даже самые просвещенные, поощряли кровосмесительные связи. Например, в египетских династиях браки заключались между братом и сестрой, сыном и матерью. Способ сохранить священную кровь царей. Ей приходили в голову и другие соображения на сей счет, но пока писать было не о чем. Она вздохнула, закрыла книгу и посмотрела на окружавших ее девушек.

Тут собралась привычная компания: «Ассоциация анорексии», «Богемные красотки», «Восточные ласточки»... И как обычно, ее молнией пронзила мысль: какого черта она тут делает? Ответ был простым: деньги. Если тебе двадцать два года, ты производишь из семьи алжирских арабов, живущей в квартале «Банан» в Женевилье, и, несмотря на рацион, в котором преобладает вермишель, твой рост сто семьдесят девять сантиметров, а вес – пятьдесят семь килограммов, тебе следует, не раздумывая, попытаться счастья. При одной мысли о том, что ее бедра или темные глаза могут принести десятки тысяч евро, Хадиджа чувствовала прилив гордости. Такие шансы грех не использовать.

Она машинально листала свой портфолио, оплаченный агентством «Алис», которое финансировало ее предприятие. Совсем не плохие фотографии... Если не думать о той, кто на них изображен. Об этой девушке с матовой кожей и темными кудрями, старавшейся выглядеть естественно на глянцевой бумаге. Впрочем, Хадиджа любила свою внешность. Ее смуглая кожа была подобна шелковистой муаровой ткани, в которую она могла бы задрапироваться, живи она в пустыне. Ей нравилось собственное лицо, необычное, какое-то угловатое; в детстве ее считали дурнушкой, но в ранней юности красота расцвела внезапно, подобно вулканическому острову, вдруг поднявшемуся над однообразной поверхностью моря. Но больше всего ей нравился собственный взгляд, слегка асимметричные глаза с черными зрачками в золотистом ободке, прятавшиеся под необычайно густыми ресницами. Иногда по утрам, глядя на себя в зеркало, она вдруг задумывалась: и как это Париж прежде мог существовать без нее?

Сегодня она испытывала какой-то дискомфорт. Страх перед кастингом? Нет. Она прошла их не меньше тридцати раз и уже давно закалилась. Стеснение перед другими девушками? Тоже нет. Она привыкла к обществу этих великолепных стерв, оценивавших друг друга с первого же взгляда. Тут было что-то другое. Ее будоражило что-то глубинное, что-то подсознательное. Оглядев собравшихся девушек, она остановила взгляд на блондинке с прямыми волосами, в своей неживой красоте напоминавшей анемичного ангела.

Хадиджа подумала о персонажах научно-фантастических книг, искавших другую планету, потому что на их собственной иссякли запасы энергии. Под ангельскими дугами бровей мерцали голубые звезды. Зрачки. Мазок кобальта, наводивший на мысль о царапине, небесной метке.

Она почувствовала, как к горлу все сильнее подступает тошнота. И все из-за этой блондинки. Она разглядела под макияжем тревожные признаки. Синеватые круги под глазами, капли пота на носу, припухшие веки. «Наколотая», – подумала Хадиджа. В двух шагах от нее наркоманка с подергивавшимися губами, смотрящая на нее невидящим взглядом.

Хадиджа отвернулась и попыталась снова сосредоточиться на своей книге, но было уже слишком поздно. На нее нахлынули воспоминания.

Квартал «Банан» в Женневилье.

Крики, заполнившие трехкомнатную квартиру.

Перепуганные призывы о помощи к врачам.

И ее родители.

Их долгая история, отравленная героином.

Наркотики были ее колыбелью.

Постелью, в которой ее зачали.

Она не смогла бы сказать точно, когда и как она все поняла. Это была истина, это была болезнь, мало-помалу открывшаяся ей. В пять лет ей пришлось привыкнуть к нерегулярному питанию, к бесконечному ожиданию в школьном дворе. Ей пришлось приспособливаться к загадочным часам, регулировавшим жизнь их семьи. Часам с мягкими стрелками, отмерявшим время, движение жизни без всякой логики. Ее родители ужинали в два часа ночи. Они исчезали на много дней и возвращались, чтобы спать двадцать четыре часа подряд.

Но самое главное, ей пришлось приучить себя к страху. К постоянной угрозе скандалов, злобы, побоев. К непредсказуемой и беспричинной жестокости. И к постоянному смутному убеждению, что источник зла находится где-то в другом месте. Взрослея, Хадиджа поняла: причина всех ее бед крылась в «болезни» папы и мамы. Эта болезнь заставляла их делать себе уколы, внезапно выходить из дома по ночам – и иногда неделями оставаться в больнице.

Хадидже было около девяти лет. Ее взгляд на родителей изменился. Она забыла о своих страхах, обидах, молчаливой злобе и ощутила потребность заботиться обо всех вокруг. Побои, оскорбления – это было ужасно несправедливо, особенно в отношении ее младшего, четырехлетнего брата и двух сестер, шести и семи лет, но обвинять в них кого-то она не могла. Ее родители были пленниками, больными людьми и, по сути дела, не настоящими «взрослыми».

Хадиджа взяла дело в свои руки. Будучи старшей дочерью, она смогла упорядочить жизнь семьи, хотя сама никогда никакого порядка не знала. Отныне именно она забирала братика и сестренку из школы, помогала им делать уроки и читала сказки перед сном. Она подписывала их дневники, заполняла анкеты социальных служб, следила за всем, что следовало прочесть или написать дома. И скоро именно она, десятилетняя, стала бегать на другой конец Женневилье за очередной дозой для родителей, подобно тому, как другие дети бегали в булочную за хлебом.

Она стала настоящим экспертом. Особенно в деле приготовления инъекций. Растворить героин в воде. Подогреть смесь, чтобы очистить. Добавить каплю лимонного сока или уксуса, чтобы наркотик лучше растворился. Залить все это в шприц через фильтр, сделанный из куска ваты, чтобы ни одна пылинка не попала. Другие дети учатся печь кексы – она занималась героином. Или иногда крэком.

Она считала себя медсестрой. У нее развилась мания чистоты. Она постоянно драила ванную, кухню, туалет – все места, где текла вода. Она дезинфицировала все спиртом, ухитрялась заранее получать в аптеке запас шприцев. Она знала, куда надо делать уколы родителям.

Вены на их руках уже давно затвердели настолько, что не поддавались игле. Шрамы, корки, нарывы – нужно было искать новые места для инъекций. В ноги, под язык, внутримышечно.

Лучшее время начиналось для Хадиджи после одиннадцати вечера, когда все домашние заботы оставались позади. Только тогда она садилась за собственные уроки. И именно это приносило ей настоящее удовольствие. До сих пор она вспоминала свои разноцветные тетрадки, скрип ручки по страницам с голубыми клеточками. Единственная улада ее жизни. Оазис в пустыне кошмара.

Шли годы. Ситуация ухудшалась. В двенадцать лет Хадиджа поняла, что значение слова «наркотик» прямо противоположно значению слова «надежда». С героином можно было только дрейфовать, опускаться, скатываться все ниже и ниже – до самой смерти. Родители все чаще попадали в больницу, оставались там все дольше. К счастью, отца и мать никогда не госпитализировали одновременно. Иначе всех четверых распределили бы по приютам. Когда кто-то из родителей возвращался после очередного курса лечения, наступала короткая передышка. Но болезнь возвращалась, и безумие усиливалось.

С четырнадцати лет Хадиджа вела бой со временем. Еще четыре года, и она станет совершеннолетней. Каждое утро она молилась, чтобы до этого момента предки не окаменели или не спятили окончательно. Она уже навела справки о том, как следует действовать, чтобы получить опеку над братом и сестрами. Она была наготове. Она ни единого дня не сомневалась в том, что все закончится катастрофой. Но она представляла себе постепенное ухудшение, медленное умирание.

Ей довелось пережить светопреставление.

Ей было шестнадцать: через год ей предстояло окончить школу. Все случилось осенью, но и сегодня она не желала вспоминать точную дату. В ту ночь ее кошмарные сны стали явью. Внезапно она почувствовала сильный запах. Запах пожара, преследовавший ее, теперь действительно был тут, совсем рядом. Она открыла глаза и ничего не увидела. Комнату заполнила черная мгла. Не понимая, что происходит, она пробормотала: «Пепельницы», – и в этот момент поняла, что родителей больше нет.

Хадиджа вскочила с постели и, нащупав брата и сестер, спавших рядом с ней, начала трясти их. Их тела казались безжизненными, словно сон перешел в смерть. Хадиджа кричала, била их, поднимала, и ей удалось вырвать их из удушья. Она распахнула окно, приказала им оставаться на месте и дышать, но не двигаться.

Она выбралась из комнаты и оказалась в темном коридоре. Едва касаясь обжигающе горячих стен, она на ощупь шла к «их» комнате. Ее шатало, ее била дрожь, несмотря на жару, но голова оставалась ясной. Она уже не существовала в настоящем времени, она оказалась в будущем. В глубине души она давала себе клятвы никогда не оставлять своих «маленьких».

Действительно ли дверь раскалилась докрасна, как ей вспоминалось? Нет. В ее памяти произошла какая-то деформация. Ведь она открыла дверь ударом плеча и даже не обожглась. Зато внутри, в комнате, пламя плясало бешеными всполохами. Ее отец, сидя в кровати, горел заживо, явно безразличный к огню, пожиравшему его лицо. Его рука, лежавшая на спинке кровати, оставалась неподвижной. Передозировка. Зажженная сигарета сделала все остальное.

Хадиджа поискала глазами мать. И увидела ее, прижавшуюся к мужу, ее волосы трещали в огне. Она подумала про себя: «Они ничего не почувствовали, они не страдали», – и как раз в этот момент их тела рухнули, провалились внутрь кровати, утратили всякую материальность. Может быть, это была всего лишь галлюцинация, сквозь слезы и огонь... И последняя картина, терзавшая ее память: рука отца, отделяющаяся от туловища и падающая на пол, словно горящее полено в глубине очага.

Она пришла в себя на больничной койке, дыша через прозрачную маску. Врач ласково заговорил с ней. Ее сестер и брата спасли, но предстояло еще опознать тела родителей. Она ведь старшая, не так ли? Через два дня перед ней открыли ящик в морге. Они лежали в обнимку:

их не удалось разделить. Две черные массы, спаянные расплавившимися волокнами. Пожалуй, даже романтично.

Глядя на эту обугленную кучу, Хадиджа разрыдалась. С ней случился настоящий нервный припадок. Ее увели, стали успокаивать, ей говорили бесконечные слова утешения. Но ее душила ненависть. Копившиеся так долго бешенство и горечь наконец прорвались наружу. При виде неузнаваемых останков злость удвоилась. Они снова ушли от осуждения, от обвинения. Они оставили их одних в целом мире и опять увернулись от ответственности. Подлые сволочи! Она успокоилась в коридоре морга. Она до сих пор помнила голос врача. Только голос, не лицо. Мягкий голос, призывавший ее к спокойствию. Вечно этот поганый тон! И пустые слова.

Она думала, что с двумя чудовищами покончено. Она ошибалась. Психолог предупредил ее: подобный шок – он говорил о «гематоме сознания» – проходит нелегко. Он оказался прав. Она даже не заметила, что сама пострадала от огня. Во-первых, ожоги. На левом предплечье кожа еще долго оставалась грубой и складчатой, как у черепахи. Но, главное, ее словно выжгло изнутри. Каждую ночь пламя возвращалось. Отец смотрел на нее горящими глазами. И его рука падала снова и снова, разбивая ее сны, разрывая ей душу. Никто не замечал, что она горела заживо. Долгие годы Хадиджа была убеждена, что, подобно облученным в Хиросиме, принадлежит к поколению, пережившему атомную бомбардировку; у этих людей произошли изменения в генах, и они могли воспроизводить только раковые опухоли и рожать детей-монстров.

Огонь принес с собой и другие беды. Ей было всего шестнадцать лет: она не могла стать опекуницей над братом и сестрами. Она подала заявление о досрочном признании совершеннолетия: ей отказали. Детей распределили по разным приютам. Хадиджа старалась изо всех сил: каждые выходные она бежала в Трапп, где жил брат, потом в Мелен, где ее ждали сестры. Это не помогло. Через два года, когда ей наконец исполнилось восемнадцать, они стали чужими людьми. Они не признавались в этом друг другу, но каждый понимал, что встречи пробуждают в них лишь тяжелые воспоминания. О побоях. О наркотиках. О пожаре. И о двух палачах, изуродовавших их детство.

Хадиджа предоставила сестер и брата их новой судьбе. Для их же блага. Даже если это могло обернуться злом. Последний раз она видела Самира, своего маленького братика, в зале для свиданий тюрьмы Френ, куда его посадили за взлом в больнице. Во время посещения он рассказывал ей только, что будет участвовать в конкурсе рэпа в тюрьме. Хадиджа не слушала: она смотрела на него и тщетно пыталась найти в этом грубом лице черты маленького Самира, которого так любила, ласкала, защищала – того, у которого вечно не хватало зубов и которого она называла своим «любимым щербатиком». Она ушла, понимая, что больше сюда не придет.

Стена пламени сомкнулась за ее спиной.

Кто-то окликнул ее. Хадиджа заморгала: комната наполовину опустела. Она шла за ассистенткой неуверенно, еще во власти воспоминаний. Кабинет, где проходил отбор, оказался немногим лучше комнаты ожидания: куча картонок, старая мебель, застарелый запах табака.

За железным столом, развалившись на стульях, два парня в бейсболках беседовали вполголоса, рассматривая сваленные перед ними снимки. Они были похожи на двух подростков, изнуренных мастурбацией, перед кучей старых «Плейбоев». Хадиджа молча протянула свой портфолио – она уже давно не тратила слов зря.

Мужчины рассматривали ее фотографии. Она видела только козырьки их бейсболок. На одном красовался символ Нью-Йорка в виде переплетенных «N» и «Y», на втором – логотип пивной марки «Будвайзер». В мире моды, на определенном его уровне, символом надежности считается проявление мещанства. Эквивалент иронии в мире, где отсутствует юмор.

Закончив просмотр, парни захихикали. Хадиджа подскочила:

– В чем дело?

Один из двоих поднял голову: загорелая кожа, трехдневная щетина. Он вытащил один из снимков, вложенных в альбом, и прочел написанное на нем имя:

– Твои фотографии вовсе не так плохи, Кадиджа.
– Ха-ди-джа, – поправила она, подчеркивая первый слог. – Мое имя произносится «Ха-ди-джа».

– Да-да, – пробормотал он, потирая затылок. – Но твой портфолио похож на каталог готового платья...

– Что вам не нравится?

– Постановка кадров, макияж, ты. Все!

Хадиджа почувствовала, что огонь возвращается, потрескивает под кожей.

– Что я должна сделать?

– Сменить фотографа.

– Но это мое агентство...

– Ну, так поменяй и агентство. С бровями ты собираешься что-то делать?

– С бровями?

– Объясню: есть специальные машинки. Есть воск. Или пинцет для эпиляции. Нельзя же оставлять эти заросли над глазами.

Мужчина не смеялся. В его голосе чувствовалась усталость. Наверное, с утра он унижал уже пятидесятую девушку. Второй по-прежнему листал фотографии, шелестел страницами.

В ее мозгу словно сверкнула молния: она увидела своего отца, лежащего на диване в гостиной, по вечерам он так же шелестел страницами журналов, уставившись в одну точку, ожидая, когда наступит время для очередной дозы...

Эта галлюцинация помогла ей вернуться в обычное состояние – состояние постоянного бунта, поддерживавшее ее, словно титановый каркас. Она улыбнулась и забрала свой портфолио. Теперь, более чем когда-либо, она хотела понравиться им, соблазнить их.

Она одержит над ними победу на их же территории.

Скоро настанет их очередь сгорать от желания.

Их тела превратятся в горящий факел.

12

Проходили дни, а распорядок не менялся.

Пять утра, подъем.

Темно-синяя ночь в слуховом окне. Поднявшись на цыпочки, Жак мог видеть другие строения. В окнах мелькали огоньки. Раздавались первые звуки – люди кашляли, мочились, умывались. Начинался шум, пока приглушенный, пронизанный звяканьем, воркотней, криками. Огромный зверь просыпался.

Шесть часов, свет.

Анемичная вспышка шестидесятиваттных лампочек. Тупая боль под веками. Контрапунктом – шаги надзирателей по коридорам, стук в каждую дверь, беготня по двору. Время, когда подступала тошнота. Жак понемногу осознавал каждый раздражитель, и все они были непереносимы.

Стены, давящие на психику. Удушающая жара. Беготня тараканов вдоль его матраца. И запахи. Несмотря на все попытки поддержания чистоты, Канара загнивала. Каждый камень, каждая плитка, каждая трещина источали влагу. Даже в разгар сухого сезона все предметы хранили память о муссоне.

Добавлялись и другие запахи: моча, дерьмо, пот... Казалось, в этих стенах органические испарения, слившись воедино, усиливались, сгущались. Потом появлялся запах жратвы. Тяжелый, жирный, вялый. Везли завтрак. Но до него предстояло еще несколько испытаний.

Семь часов.

Переключка.

Тюремная болезнь. Ритуал переключки – по-малайски *muster* – повторялся пять раз в день. Это была уже не собственно проверка, а заклинание, призванное помешать чьему-то отсутствию или малейшей попытке побега.

Сухие щелчки задвижек. Хлопанье дверей. Глухой звук шагов. Со временем эти звуки становились такими же знакомыми, такими же личными, как биение собственного сердца. Сбор под большой галереей. При виде всех этих людей Жака все сильнее одолевала тошнота. Все в белых футболках, сидящие на земле, напоминающие мятые куски бумаги. Две тысячи заключенных, по группам, по кучкам. Низведенные до номеров.

Семь тридцать.

Национальный гимн под лучами солнца.

Потом наконец завтрак. Заключенные поднимались, разбредались, чтобы снова выстроиться в очередь вдоль здания столовой. Потом муравейник рассыпался по двору – маленькие точки, сосредоточившиеся на утренней похлебке.

Жак пользовался этим моментом, чтобы забежать в душевую. Прихватив свою *gayong* (пластмассовую коробку с мылом, зубной пастой и всем необходимым для бритья), с полотенцем и сменной футболкой на плече он входил в это помещение, расположенное в трехстах метрах от столовой. В камере у Реверди был свой душ и к этому времени он уже успевал помыться. Но ему нравились это здание без крыши, это мгновение одиночества среди больших цистерн с водой. Здесь он мог удовлетворить свою тягу. Тягу к воде...

Восемь часов.

Распределение нарядов.

Каждую неделю задания менялись. Сейчас, в конце февраля, требовалось очищать решетки и ограду тюрьмы, чтобы потом специально вызванные рабочие могли наложить на них новый слой антикоррозийной краски. «Добровольцы», завязав лица тряпками, скребли, обдирали, шкурили и постепенно покрывались ошметками железа, так что к концу работы почти сливались с металлическими решетками.

Девять часов, конец нарядов.

Открытие мастерских.

Эрик предупреждал: находясь в предварительном заключении, Реверди не имеет права работать там. Он оставался со стариками, больными, калеками. Жара набирала силу. Шли часы, и она становилась неконтролируемой, беспредельной частью существования. Жак устраивался под галереей, оберегая свое одиночество, стараясь не слушать треп других, тараторивших каждый на своем языке. Сплетни, слухи, истории об *амоке* и *криссе* – малайском кинжале с изогнутым лезвием, о котором говорили, что он жаждет крови.

В десять часов он приступал к физическим упражнениям.

Разминка. Упражнения для брюшного пресса. Отжимания. Потом гантели: здесь мастерили гири из камней. Как правило, заключенные качают мышцы, чтобы выйти на волю более сильными, более опасными. А зачем это нужно ему? Философский вопрос: он хотел умереть в самой лучшей форме. Кроме того, это позволяло ему наслаждаться настоящим, поддерживать тело в тонусе. Чувствовать силу, затаившуюся под кожей, словно свет, словно священное масло, пропитавшее каждый мускул, каждую частичку его кожи...

Тренировки у всех на виду были полезны еще в одном отношении. Они показывали его физическую силу. Занимаясь, он ощущал взгляды, устремленные на него из окон мастерских. Даже надзиратели уголком глаза наблюдали за этой демонстрацией силы.

Одиннадцать тридцать.

Новая переключка.

Полдень.

Обед.

Он ел нехотя, без аппетита, но неизменно и очень тщательно подсчитывал калории. Еда здесь превращалась в акт выживания. С помощью Джимми он сумел улучшить свой рацион: каждый день дополнительно то фрукты, то сахар, то молоко.

Два часа дня.

Возвращение в мастерские.

Для него – время сиесты. Самое тяжелое время. Огромные нервные мухи бились о его лицо, нарушая тишину, искали его глаза. Жак, сонный, низведенный, как и остальные, до положения инертной личинки, ложился на землю, уже не отличая мух от людей на белом фоне двора.

Три тридцать.

Новая переключка.

Номера, поднимающиеся руки, бормотанье... Это действовало гипнотически на всех, кроме Жака. Он пробуждался. Он сердился на себя за то, что позволил себе расслабиться. Теперь он ощущал собственное тело, еще функционировавшее, еще жившее среди всех этих зомби. Не видимая никому машина, работавшая тайно, несмотря на жару, на надзор, на присутствие остальных. Он не умер. И до самой последней секунды его будет переполнять размеренная – и неистребимая – жизненная сила.

Четыре часа.

Ужин.

Начиная с четырех пятнадцати – свободное время. Свободное от чего? По мере того, как жара ослабляла свои тиски, двор оживал. Начинаясь тюремная торговля. Кто-то занимался обменом; кто-то выторговывал поблажки у надзирателей; кто-то набирал всякие безделушки в лавчонке, устроенной под навесом. И главное, заключенные торговали наркотиками. Здесь проявлялась внутренняя логика тюрьмы, основанная на полной коррупции. Ты можешь получить все, лишь бы имелись деньги или что-то на обмен. По договоренности с Джимми Реверди получал деньги, но не злоупотреблял ими. Ни транзистор, ни плитки шоколада не могли удовлетворить его желаний. А уж менее всего доза.

Шесть часов вечера.

Возвращение в камеры.

Когда за Жаком закрывалась дверь, он застывал, как будто не верил в происходящее. Неужели он действительно прожил еще один день? Впереди было худшее. Двенадцатичасовая ночь. Заперти в четырех стенах, ничего не делая. В эти моменты он ненавидел свою камеру. Сейчас она воняла смертью и плесенью сильнее обычного. Его подстерегал подземный мир, невидимый, населенный всякой нечистью, насекомыми и крысами.

В этот вечер он, сам того не желая, бросил взгляд на слуховое окно. Ослепительный свет дня еще проникал через него. Он вспомнил хижину в бамбуковых зарослях. Свою последнюю Комнату. Он вспомнил, как оплошал в своих поисках, поддавшись панике, поддавшись...

В ту секунду, когда в его мозгу всплыло слово «безумие», он упал на пол, словно у него подломились ноги. Он подкатился к стене, пытаясь подавить рыдания. Он отдал бы что угодно, чтобы найти какой-то смысл существования, жизни – хотя бы на несколько оставшихся ему месяцев.

Щелчок замка заставил его поднять голову. Дверь камеры открылась:

– *Литра!*

13

Джимми Вонг-Фат выглядел как обычно. Некоторая небрежность в дорогом костюме, красный портфель и чашка кофе. Жак не мог не признать, что этот толстяк стал его единственным развлечением.

– У меня скверные новости, – начал он. – Я получил первый отчет психиатров из Куала-Лумпура, опрашивавших вас в ходе первой экспертизы. Я возлагал большие надежды на этот отчет, но он для нас неутешителен. По их мнению, психически вы здоровы. Полностью отвечаете за свои поступки.

– Я тебя предупреждал.

Джимми ходил вокруг стола – сегодня он потел меньше, чем прежде. Жак снова был прикован к полу.

– По-моему, вы не понимаете, – прошипел Джимми. – Если я не найду какую-то зацепку, все равно какую, все пропало. Это высшая мера!

Реверди хранил молчание: ему не хотелось повторять то, что он уже говорил. Он предпочел сменить тему:

– Ты принес мои книги?

Вопрос застал адвоката врасплох. После недолгих колебаний он начал рыться в большой сумке, стоявшей возле стола. Реверди решил положиться на китайца: он дал ему доверенность на пользование одним из своих банковских счетов.

Вонг-Фат выложил на стол стопку книг. Жак пробежал взглядом по корешкам: Канджур, Йога-Сутра, «Рубайят» суфиста Маулана...

– Тут не все.

Адвокат вынул лист бумаги и развернул его:

– Иерусалимская Библия. Проповеди Майстера Экхарта. «Эннеады» Плотина. И где, по вашему, я должен искать подобные книги?

– Они переведены на английский.

Джимми сунул список в карман.

– Представьте себе, я это знаю. Я их уже заказал. – Он снова полез в сумку. – По крайней мере, мне удалось найти штаны вашего размера.

Он с довольным видом выложил на стол аккуратно сложенные брюки и, усевшись, прикрыл их руками.

– Вернемся к серьезным делам. Вы продолжаете лечение?

– Лечение?

– Предписания доктора Норман. Вы должны каждый день принимать анксиолитические препараты. Я хочу знать, следуете ли вы этим указаниям. И встречаетесь ли вы каждую среду, как это предполагалось, с психиатром из Ипоха. В этом плане все в порядке?

Жак подумал об Эрике, торговавшем его пилюлями: он так и не принял ни одной. Что касается тюремного психиатра, он видел его всего раз и путал с экспертами, которых присылал Джимми, – это были тамильцы, и они задавали ему одни и те же неконкретные вопросы.

– Все идет помаленьку.

– Очень хорошо. Тот факт, что вы проходите лечение, говорит в вашу пользу.

Реверди кивнул. Вонг-Фат поднял указательный палец:

– Но есть и хорошая новость. Родители Перниллы Мозенсен прислали в Джохор-Бахру датского адвоката для подачи гражданского иска. И есть еще какая-то ассоциация, по-моему немецкая, которая идет с ним ноздря в ноздю. Они пытаются снова открыть камбоджийское дело. Уверяю вас, зампрокурора не в восторге. Он начинает испытывать неприязнь к обвинению. Для нас это очень хорошо.

Реверди слушал эти нудные рассуждения вполуха. Он решил немного поддеть этого клоуна:

– Когда ты онанировал там, у папаши, ты пользовался насекомыми?

– Я пришел сюда по долгу службы. Вам не удастся втянуть меня в...

– А когда ты трахаешь маленьких девочек, смотришь, какого цвета у них кровь?

Адвокат прошипел «Ну, хватит» и поджал губы. Потом закрыл свой портфель. Обиженный школьник. Реверди спросил:

– Мои откровения тебя больше не интересуют?

Китаец широко раскрыл глаза. Сумятица, царившая в его мыслях, выразилась в нервных подергиваниях лица. Жак улыбнулся ему:

– А если я скажу тебе, что это не я убил Перниллу Мозенсен?

– Что?

– Ребенок.

– Что вы такое говорите?

Реверди обхватил плечи руками, словно ему вдруг стало холодно. Цепи, позвякивая, обвились вокруг его тела.

– Ребенок-стена, – прошептал он. – Ребенок, сидящий во мне... ребенок, задерживающий дыхание...

Вонг-Фат нагнулся, как нагибается священник к окошку исповедальни:

– Повторите, пожалуйста.

– Помнишь мою проплешину? – Он говорил, обхватив голову скрещенными руками, его затылок был обращен к Джимми. – Помнишь, я говорил тебе о пережитом шоке? – Из-за того, что он опустил голову к груди, голос звучал приглушенно. – Именно в то время родился ребенок-стена...

Он сжал руками голову:

– Благодаря ему я смог убежать от них.

– Убежать? От кого?

– От лиц... за ротанговой перегородкой. От лиц, проникавших мне под кожу. Без этого ребенка я стал бы...

– Кем? Кем бы вы стали?

Реверди поднял голову и широко улыбнулся:

– Забудь. Я пошутил.

Китаец побледнел как полотно. На его лице снова выступил пот.

– Это невыносимо. Вы смеетесь надо мной. Я не понимаю вашего поведения. – Он схватил свой портфель и дорожную сумку. – Лучше поговорим в другой раз.

Он встал. Жак испытывал разочарование: исполненный им номер несколько не позабыл его. Нет, эта гора жира ему совершенно неинтересна.

– Я чуть не забыл! Ваша почта.

Джимми покачал над столом большим пакетом из толстой коричневой бумаги:

– Просьбы об интервью. Предложения от адвокатов. Любовные письма. – Он захихикал. – Прямо звезда.

Реверди раздвинул края пакета двумя пальцами. Все письма, лежавшие в нем, были вскрыты.

– Ты их читал?

– Их все читали. Вы в Канаре, а не в «Шератоне».

Вонг-Фат обтер рукавом лицо. К нему вернулось самообладание.

– Директор тюрьмы запросил у вашего посольства переводчика, чтобы точно знать, о чем идет речь. Помимо оплаты перевода, мне пришлось выкупить все эти письма у надзирателей. Таковы правила.

Жак вытащил несколько писем:

– Возьми компенсацию с моего счета.

– Уже взял.

Адреса были написаны от руки. Его взгляд задержался на некоторых конвертах: аккуратные, округлые буквы. Явно написанные женщинами. Он прижал своими цепями пакет, не глядя на адвоката:

– Спасибо. До следующего раза.

14

В камере Реверди разложил конверты на полу. Навскидку – штук сто. Его захлестнула волна гордости. Он сидел в Канаре около трех недель, а почта уже приходила из всех уголков Европы, главным образом – из Франции. Он аккуратно разделил письма на три категории, после чего погрузился в чтение.

Вначале – средства массовой информации. Он быстро просмотрел просьбы об интервью. Эту группу завершали четыре послания от издателей: «Почему бы вам не написать воспоминания?» Еще быстрее он пробежал глазами следующую кучку – письма из официальных инстанций. Французское посольство направило ему несколько запросов, выясняя, почему он молчит. Кроме того, ему пересылали письма от французских адвокатов: «специалистов» по международному праву, уже ведших более или менее похожие дела – дела европейцев, арестованных в Юго-Восточной Азии за контрабанду наркотиков и предлагавших ему свои услуги. Некоторые из них даже уточняли, что готовы отказаться от гонорара. Их намерения были совершенно ясны: защищая Реверди, они гарантированно оказались бы в центре внимания на время процесса. Несколько писем из гуманитарных ассоциаций, желавших убедиться, что условия его заключения соответствуют норме. Со смеху умрешь!

Он швырнул всю эту дребедень в угол.

Затем перешел к письмам от частных лиц. Они возбуждали куда больше, независимо от настроения: ненависти, заботы, восхищения, любви... Чтение этих писем заняло более часа. И снова разочарование. Одно глупее другого. Оскорбительные или доброжелательные слова, все одинаково ничтожные.

Но его интересовала форма. То, что можно прочесть между строк, за словесными вывертами. За каждой запятой он чувствовал страх, возбуждение, влечение. Кроме того, ему нравилось изучать почерки – след руки на бумаге, намек на дрожь в конце каждого слова. Словно бы эти женщины – а практически все письма были от женщин – что-то шептали ему на ухо. Или касались его кожи. Как листья бамбука. Он закрыл глаза, позволил воспоминаниям растечься по телу. Листва. Шепот. Дорога, по которой надо пройти...

Потом он вернулся к началу, подробно изучая каждое письмо при слабом свете лампы. Он считал орфографические ошибки, синтаксические погрешности. Банальность текстов его удивляла. А фамильярность тона раздражала. Они позволяли себе его ненавидеть, жалеть или – еще того хуже – понимать и любить, но неизменно переходили на очень интимный тон. Чересчур интимный.

Одно из писем этого рода оказалось уж совсем из ряда вон выходящим. Оно просто поражало своей наивностью. Он прочел его несколько раз, испытывая при этом двойственную радость: презрение мешалось со злостью.

Париж, 19 февраля 2003 г.

Дорогой месье,

Меня зовут Элизабет Бремен. Мне двадцать четыре года, я работаю над диссертацией на степень магистра на факультете в Нантерре (Парижский университет – 10). Моя тема – это построение профиля, метод, который во Франции называют «психологическое содействие анкетированию». Суть его состоит в определении психологического профиля убийцы на основании анализа обстоятельств совершения преступления и других данных, имеющихся в распоряжении следствия.

В ходе моих изысканий, в частности, во время встреч с многочисленными заключенными, я поняла, что на самом деле предмет

моей диссертации – это всего лишь подступ к теме, которая действительно интересует меня: побуждение к совершению преступления.

Итак, в последние месяцы я пришла к решению изменить тему своей работы. Сосредоточить внимание на самих заключенных и попытаться установить их психологический профиль, независимо от каких-либо соображений морали или уголовного права. Я даже надеялась составить своего рода «метапрофиль», отследив, на основании их историй, их личных особенностей, характера совершаемых ими преступлений, общие для всех них характеристики...

Десятого февраля, в разгар моих исследований, я прочла первые статьи о вашем аресте и связанных с ним невероятных обстоятельствах. В тот же момент я приняла решение: посвятить диссертацию исключительно... вам.

Конечно, такая направленность будет невозможной без вашего согласия, иными словами, без вашей помощи. Я не могу братья за такую работу, не будучи уверенной, что вы согласитесь ответить на мои вопросы...

Жак прервал чтение. Мало того, что она хладнокровно причисляла его к серийным убийцам, так она еще делала это в письме, доступном для посторонних глаз, еще до начала процесса! Большая часть авторов писем, разбросанных по полу, делала то же самое, но это письмо превосходило все остальные своим простодушием, граничившим с идиотизмом.

И далее в том же роде на нескольких страницах:

К сожалению, я не располагаю большими средствами и не могу позволить себе поехать к вам, во всяком случае, прямо сейчас. Но я уже представляю себе вопросник, который мог бы нам позволить установить первый контакт. Я хотела бы прислать его вам как можно скорее.

Час от часу не легче: она без обиняков требовала от него исповеди! Почему бы не чисто-сердечного признания? Он продолжал читать, захваченный ее дуростью:

Поймите, почему я обращаюсь к вам: мне кажется, что я, благодаря своим познаниям в психологии, сумела уловить то, чего другие не только не почувствовали, но даже не заподозрили.

Кроме того, с помощью вопросов и комментариев, которые я вам тут же вышлю, я могла бы помочь вам лучше разобраться в самом себе. Я еще не дипломированный психолог, но я могу помочь вам легче перенести некоторые откровения...

Реверди скомкал листок в руке: злость поднималась в нем жгучими волнами, почти душила его. Попав в эту тюрьму, он оказался открыт для всех взглядов, для всеобщего любопытства. Узник зоопарка, выставленный на обозрение любого кретина. Он закрыл глаза и попытался найти в себе хоть каплю спокойствия, чтобы умиротворить свое тело и свой разум.

Когда к нему вернулось самообладание, он расправил листок и продолжил чтение: ему хотелось понять, до каких пределов простирается человеческая глупость.

Но его ждал сюрприз: последняя страница оказалась намного интереснее. Внезапно он почувствовал в ней верный тон, резко контрастировавший с претенциозностью начала письма. Студентка осмелилась провести сравнение между глубоководными погружениями и убийствами:

Может быть, я захожу слишком далеко и слишком спешу, но я улавливаю... как бы это сказать? – некую аналогию между подводными глубинами и темными побуждениями, которым вы подвержены. В обоих

случаях речь идет о мраке, о давлении, о противодействии. Но, кроме того, в определенном смысле, о барьере чистоты, о неизведанном курсе...

Как написать вам об этом? Я чувствую, что эти поступки и эти погружения объединяет одна страсть к исследованию, к преодолению самого себя. И главное, то же головокружение, то же непреодолимое искушение.

Я хотела бы уловить это головокружение, ощутить его рядом с вами, чтобы встать на вашу точку зрения. Я хочу не судить, а разделять.

Если мне повезет и вы согласитесь повести меня, взять меня за руку, чтобы вместе опуститься на глубину, я буду готова услышать все. Дойти вместе с вами до самого конца.

Эти сбивчивые слова не означали ничего особенного, но Жак различал в них некую искренность. Эта девушка душой и телом была готова отправиться вместе с ним в путешествие к сумеркам. Своим инстинктом хищника он даже улавливал определенную двойственность между этими строчками. Может быть, эта «белая гусыня» на самом деле не так чиста, как кажется...

Он понюхал исписанный от руки листок: надушен. Аромат женщины. Вернее, девушки, играющей в женщину. Он был готов держать пари – это «Шанель». Номер пять. Да, Элизабет не просто хотела испытать страх, она хотела зажечь его, соблазнить своей готовностью следовать за ним даже в его логово.

Он кинул письмо на пол и уставился на эту кучу пошлости, нескромности, орфографических ошибок. Тараканы уже прокладывали себе дорожку среди смятых бумажек. В камерах выключали свет.

Девять часов вечера. Жак отпихнул ногой кучу писем и вытянулся возле стены. Злость улеглась, но горечь осталась. Он насмеялся над смертью, но впервые ощущал, как он одинок, не понят, понимал, что его «работа» умрет вместе с ним.

Подсознательный импульс прервал его размышления. Его мучила какая-то деталь, которую ему никак не удавалось определить. Он поднялся и нашарил электрический фонарик. Зажав его зубами, чтобы руки оставались свободными, он начал рыться в груде бумаг. Через несколько секунд он нашел письмо Элизабет Бремен. Что-то ускользнуло от него, но что именно?

Он быстро перечитал письмо; ничего нового. Он нашел конверт, заглянул внутрь: пусто. Он осмотрел его со всех сторон. На обороте он увидел адрес отправителя.

Элизабет Бремен указала не свой личный адрес, а адрес почтового отделения в Девятом округе Парижа, куда ей следовало писать «до востребования».

Вот деталь, которую он искал. Несмотря на красивые слова, несмотря на желание сблизиться с ним, студентка приняла эту меру предосторожности. Она боялась, как и все прочие. Она протягивала руку к хищнику через прутья клетки, но делала это с опаской.

Жак погасил фонарик и улыбнулся в темноте.

Ну что же, можно немного позабавиться.

15

Марк выработал определенную стратегию: не может быть и речи, чтобы хитрить с убийцей такого рода, чтобы задавать ему вопросы окольными путями. Жак Реверди отличался острым умом. Хищник с безошибочным инстинктом. Следовательно, удержать его внимание можно было единственным способом – атаковать его в лоб, разыграть невинность и позволить ему думать, что он управляет ситуацией.

Именно поэтому Марк так старался придать письму наивный характер. Вместе с тем в конце он позволил себе определенную двусмысленность. Может быть, Элизабет не такая уж идиотка, может быть, она не так примитивна...

Закончив сочинять текст, он занялся почерком. Пользуясь собственным архивом – в «Сыщике» он получал множество писем от женщин – он проводил долгие часы, вновь и вновь копируя послания своих корреспонденток, стараясь воспроизвести эти аккуратные буквы, постепенно вырабатывая у себя женский почерк.

После этого он купил бумагу для писем, достаточно дорогую, с тиснением, и выбрал авторучку. Затем он решил придать письму некую личную нотку и надушил его – совсем чуть-чуть. Сначала он склонялся в пользу духов для молоденьких девушек, типа «Анаис-Анаис» от Кашарель, потом передумал. Элизабет, двадцати четырех лет, не должна пользоваться духами для подростков. Напротив, она выберет женский аромат, свидетельствующий о силе, зрелости и желании соблазнять. Он остановился на «Шанель № 5».

Письмо было готово, оставалось уладить последний, самый важный вопрос: адрес отправительницы. Дать собственный адрес он не мог. Он подумал было об абонентском ящике, но тогда письмо показалось бы слишком обезличенным. Он решил воспользоваться почтой «до востребования».

Настоящие проблемы начались как раз с почты. Этого следовало ожидать. Он всю жизнь ненавидел эту организацию – ее эмблему желтого цвета, бесконечные очереди, систему марок, этикеток, наклеек, больше подходящую для какого-нибудь детского кружка «умелые руки», чем для предприятия двадцать первого века. Почта хранила верность своему девизу: «Зачем делать просто, когда можно сделать сложно?»

«Договор о временном перенаправлении для частных лиц» – официальное название услуги «до востребования» – нельзя заключить, воспользовавшись первым попавшимся псевдонимом. Вообще-то подобного рода корреспонденцию можно получать только на свое собственное имя. Марк попытал счастья в другом почтовом отделении, сочинив на сей раз целую легенду: ему якобы надо заключить «договор о перенаправлении» от имени подруги, прикованной к постели в результате несчастного случая, и получать письма в этом отделении. Он сам будет приходить за ними.

Служащий скептически объяснил ему суть процедуры: подруга должна написать доверенность на его имя. Но, обратите внимание: в присутствии сотрудника почты, который выступит в роли свидетеля. (Марку казалось, что он видит дурной сон.) Тогда, и только тогда, он сможет заключить договор, но каждый раз Марку придется предъявлять два удостоверения личности: свое и своей подруги.

Марк вышел из почтового отделения ошарашенный, сжимая в руке так и не заполненные бланки. Обдумав все аспекты проблемы, он понял, в чем заключается основная сложность: ему нужно раздобыть паспорт или удостоверение личности какой-то женщины. После этого ему придется пользоваться в письмах только ее именем.

Но где взять такой документ? У него был солидный опыт краж и проникновений со взломом. Наследие эпохи папарацци. Но он не собирался вламываться в первую попавшуюся квартиру. Он решил было пойти в бассейн и взломать шкафчик какой-нибудь купальщицы. Однако

о том, чтобы впутывать в эту историю реально существующую женщину, и речи идти не могло. В конце концов, он ведь собирался поставить ловушку на убийцу. Заманить его в западню.

На следующее утро, едва он проснулся, его осенило. Надо украсть паспорт у туристки – женщины, находящейся во Франции проездом. На ум пришел университетский городок, расположенный возле ворот Жантильи: там обитала основная масса иностранных студентов Парижа. Он отправился в кампус: нагромождение разных архитектурных стилей напоминало знаменитые всемирные выставки прошлого века. На его пути встретились итальянский палаццо, английская усадьба, лютеранская церковь, цепочка галерей с латинским орнаментом, кирпичные фасады, террасы с африканскими фигурками. Куда пойти? В спальный корпус? И когда действовать? Среди бела дня?

Идея: раздевалка какого-нибудь спортивного сооружения.

Он нашел гимназию искусств и ремесел, в южной части кампуса. Проскользнул в коридор, через зарешеченные окна увидел внизу помещение, выложенное зеленым линолеумом, испещренным следами. Вот удача: как раз в это время шел волейбольный матч. Между женскими командами! Он нашел раздевалку, она оказалась не заперта.

Напротив рядов вешалок стояли железные шкафы с висячими замками. Он принес с собой все необходимое. Сунул отвертку в первую попавшуюся металлическую петлю и свернул ее. Сначала он не нашел ничего. Но уже в третьем шкафчике обнаружился паспорт – немецкий. Украденные секреты, запахи женщин, попадавшееся на глаза белье – все это так возбуждало Марка, что он продолжал вскрывать один шкаф за другим. Он разглядывал другие паспорта, студенческие билеты... И наверное, в десятом шкафу он нашел клад. Нежданная удача: шведский паспорт, а имя владелицы... Элизабет!

Он схватил документ в бордовой обложке. Порылся в сумке и вытащил студенческий билет на то же имя, с адресом университетского городка. На лицо он и не взглянул. Имя подходило идеально: Элизабет Бремен.

Назавтра он пришел во второе почтовое отделение, на улицу Ипполит-Леба, туда, где служащий объяснил ему, как следует поступать. Маленький азиат, волосы стянуты в «конский хвост». Он скривил рот:

– Вы не сделали то, что полагается. Надо, чтобы наш сотрудник ...

Марк не дал ему закончить фразу: он просунул под стекло паспорт и студенческий билет Элизабет.

– Она живет в университетском городке. Это настоящий лабиринт.

– А что с ней случилось? – спросил служащий уже более дружелюбно.

– Бедро. Сломала бедро. В волейбол играла.

Служащий недоверчиво покачал головой, рассматривая документы. За Марком выстраивалась очередь. Азиат посмотрел на него:

– Кое-что в этой истории мне не ясно. Вы хотите получать корреспонденцию, приходящую на имя этой девушки. Ладно. Но почему не по своему адресу?

Марк предвидел такой поворот дела. Он пригнулся к стеклу и красноречивым жестом положил перед собеседником свою левую руку. На безымянном пальце красовалось обручальное кольцо. Этим трюком он уже пользовался раньше, во времена «взломов», чтобы внушить доверие.

– На мой адрес – это слишком сложно.

– Сложно?

Марк трижды постучал по стеклу своим кольцом. Собеседник опустил глаза, кажется, он понял.

– Ну, мы договорились?

Служащий заполнил графы бланка, предназначенные для персонала.

– С вас девятнадцать евро.

Марк заплатил, чувствуя, как по спине течет холодный пот. Отдавая ему кучу квитанций, служащий сказал:

– Когда будете приходить за письмами, обязательно имейте при себе эти документы. Нет паспорта – нет письма. Ясно? И подходите ко мне: я отвечаю за корреспонденцию «до востребования».

Потом он подмигнул ему, как сообщник. Выйдя на улицу, Марк должен был бы испытывать радость. Но в глубине души его терзала тревога. Он в смятении ждал развития событий.

Начиная с первого марта он ежедневно приходил на почту.

Это была полная глупость: письмо из Парижа в Малайзию идет минимум десять дней. Потом администрация исправительного учреждения собирает письма для раздачи заключенным. Потом, в случае, если Жак Реверди решит ответить на письмо, надо отсчитать еще дней десять – пятнадцать, пока ответ доберется до Парижа. Иными словами, на все про все уйдет более трех недель при самом оптимистичном раскладе. А он отправил письмо двадцатого февраля.

И тем не менее каждое утро какая-то магическая сила влекла его на улицу Ипполит-Леба. Почтовый служащий (вьетнамец по имени Ален) уже привык к его посещениям и расслабился. Он даже позволял себе кое-какие шутки. «Здравствуйте, мадемуазель!» – кричал он при виде Марка. Или же произносил из-за своего стекла тоном строгого полицейского: «Ваши документы!»

Его шуточки не смешили.

Дни шли, а ответ все не приходил.

На работе Марк без особого рвения занимался повседневными делами. Он освещал различные происшествия, описывал других ярких злодеев: душителя из Па-де-Кале, насильника на «ситроене»...

Однако дела у журнала шли все хуже. Продажи падали. Оправдывались предсказания Вергенса: неизбежность войны в Ираке стала очевидной, и читателей занимала только эта проблема. В период кризиса люди уже не испытывают особого желания погружаться в мрачные и жестокие истории: им хватает реальной угрозы.

Девятого марта американцы так и не начали бомбардировки Ирака.

А Марк так и не получил письма.

В тот вечер он нанес визит Венсану.

В восемь часов он зашел в студию великана. Фотограф работал: снимал будущую манекенщицу для портфолио. Его деятельность уже превратилась в настоящее коммерческое предприятие. Венсан работал для агентств или напрямую с моделями, и в последнем случае ему платили наличными. С точки зрения налогового законодательства, дело подсудное.

Он довел до совершенства стиль, основанный на слегка размытых изображениях, приводивший в восторг агентства и журналы. Среди моделей даже ходил слух, что его фотографии приносят счастье...

Этот триумф поражал Марка. Дело, начавшееся как шутка, превратилось в золотую жилу. К концу зимы 2003 года великан, который в начале их знакомства ходил одетый, как английский парашютист, с мотоциклетным шлемом в руках, вечно вымазанных машинным маслом, стал одним из наиболее востребованных фотографов в Париже. Он даже купил для своей студии помещение в здании архитектурной школы на улице Бонапарт, в Шестом округе.

Марк незаметно вошел в полутемное помещение. Стоя за аппаратом, перед осветительными приборами, Венсан разглагольствовал о лучшем способе «отхода от очевидного». Ассистенты, парикмахерша, визажистка, стилисты благоговейно внимали ему, а юная девушка,

похожая на мальчишку, стояла словно пригвожденная к месту ослепительными лучами юпитеров.

Венсан сделал знак, ясно говоривший: «На сегодня хватит». Один из ассистентов устремился к аппарату, извлек из него пленку так, словно это была священная реликвия. Другие бросились к генераторам. Вспышки еще мерцали, издавая протяжный свист. Заметив Марка, великан раскрыл объятия с преувеличенной страстью:

– Ты пропал или что?

Марк, не отвечая, провожал взглядом молоденькую манекенщицу, уходящую к раздевалке.

– Плюнь на нее, – сказал Венсан. – Эта из тех, кому все равно, с кем...

Он указал на кипу полароидных снимков на подсвеченном столе:

– У меня в запасе есть куда лучше, хочешь посмотреть?

Марк даже не взглянул в ту сторону. Венсан распахнул маленький холодильник, стоявший в глубине студии, возле проявочной.

– По-прежнему не в настроении, а?

Он подошел, открывая на ходу банку пива. Марк понял, что великан уже пьян. На теперешней работе ему не хватало адреналина, и он компенсировал его большими дозами спиртного. К вечеру Венсан выглядел просто устрашающе. Он пыхтел словно бык, его дыхание обжигало, не скрытый завесой волос глаз, воспаленный и болезненно блестящий, так и буравил собеседника. Однако именно фотограф произнес:

– Ты скверно выглядишь. Пойдем. Угощу тебя ужином.

В конце концов они оказались в ресторанчике на улице Мабийон. Марк любил такие местечки: толкотня, табачный дым, шум. Жар множества человеческих тел или общий гвалт вполне могут заменить беседу. Но Венсана это не останавливало: он вел монологи на тему собственного будущего и при этом глушил пиво – кружку за кружкой.

– Ты отдаешь себе отчет? – ревел он. – Две мои девочки перешли напрямик на сорок процентов! Благодаря моим фоткам. Говорю тебе: размытые фотографии – это манна небесная. Я решил, что теперь могу быть и агентом. Я бесплатно делаю им первые снимки, а потом беру проценты с получаемых контрактов. Я ничем не хуже агентств, которые, в любом случае, ни хрена не делают. Я волшебник. Я провозвестник!

Он говорил это тоном соблазнителя, который собирается стать сутенером. Марк с улыбкой поднял стакан с газированной водой и посмотрел на Венсана:

– За размытость!

В ответ великан поднял свою кружку:

– За сорок процентов!

Они расхохотались. А у Марка в голове в это время вертелся один-единственный вопрос: есть ли у Элизабет шанс получить ответ от Жака Реверди?

16

– Это из Малайзии.

Вьетнамец сиял улыбкой. Он просунул под перегородку из плексигласа конверт. Марк схватил его, кусая губы, чтобы не закричать. Смятый, испачканный конверт, явно вскрытый, а потом снова заклеенный, но именно его он и ждал: это было ответное письмо от Жака Реверди.

Когда под штампами и надписями, сделанными администрацией тюрьмы, он разглядел слова «Элизабет Бремен», написанные ровным наклонным почерком, он почувствовал, как его сердце застучало в другом ритме, словно провалилось в самую глубину грудной клетки. Он поспешно распрощался с Аленом и побежал домой.

Там он запер дверь, затянул шторы на окнах и устроился за письменным столом. Он зажег маленькую галогеновую лампу, надел хлопчатобумажные перчатки, которыми обычно пользуются при работе с фотографиями. Наконец, он вскрыл конверт резакон для бумаг, потом осторожно, словно имея дело с редким и хрупким насекомым, извлек из него письмо. Простой листок бумаги в клеточку, сложенный вчетверо.

Он расправил его на столе и с колотящимся сердцем начал читать.

Канара, 28 февраля 2003 г.

Дорогая Элизабет!

Пребывание в тюрьме – всегда испытание: разврат преступников, изматывающая тоска, унижения и, конечно, страдания, связанные с лишением свободы. Развлечения здесь редки. Именно поэтому я хочу поблагодарить вас за ваше столь воодушевленное, столь красноречивое письмо.

Я давно уже так не смеялся.

Цитирую вас: «благодаря своим познаниям в психологии, сумела уловить то, чего другие не только не почувствовали, но даже не заподозрили». И еще: «с помощью вопросов и комментариев, которые я вам тут же вышлю, я могла бы помочь вам лучше разобраться в самом себе».

Элизабет, вы понимаете, кому написали? Можете ли вы хоть на мгновение представить себе, что я нуждаюсь в ком-то, чтобы «лучше разобраться в самом себе»?

Но прежде всего, подумали ли вы о последствиях своего письма? Вы обращаетесь ко мне как к убийце, чьи преступления уже доказаны. Вы забываете об одной детали: я еще не осужден. Суд надо мной еще не состоялся, и мою вину, насколько я знаю, еще предстоит доказать.

Напоминаю вам, что все письма, поступающие в тюрьму, вскрывают, прочитывают и фотокопируют. Вы с таким апломбом, с такой уверенностью описываете мои «темные побуждения» и мою «психологию», словно располагаете сведениями, свидетельствующими о моей виновности. Таким образом, ваше письмецо представляет собой дополнительную улику против меня.

Но главное не в этом.

Главное – в вашей наглости. Вы обращаетесь ко мне так, словно само собой разумеется, что я собираюсь вам ответить. Можете проверить: я уже многие годы не соглашаюсь на интервью. Я не давал никому ни малейших объяснений. Откуда у вас такая уверенность? Почему вы вообразили, что я буду отвечать на вопросы студентки, которая якобы собирается анализировать мои поступки?

Что вы в действительности знаете обо мне? Каковы ваши источники? Газеты? Документальные фильмы? Книги, написанные другими? Как можно понять личность, идя подобным путем?

Что касается сравнения, проводимого вами между глубоководными погружениями и моими «побуждениями», знайте, что я сам, и только сам, выбираю свой абсолют, и другим людям это недоступно.

Элизабет, убедительно прошу вас: играйте в психолога с молодыми правонарушителями из Френ или Флери-Мерожи. Специальные организации помогут вам войти в контакт с заключенными вашего масштаба, достойными ваших маленьких «практических работ».

Я больше не желаю получать писем такого рода. Повторяю вам: пребывание в тюрьме – это испытание. Достаточно тягостное само по себе, чтобы еще получать оскорбления от какой-то претенциозной парижанки.

Элизабет, прощайте. Надеюсь в дальнейшем не читать ваших посланий.

Жак Реверди

Долгое время Марк сидел неподвижно. Он не сводил глаз с листка в клеточку. Теперь он напоминал ему кулак, который только что впечатался ему в нос. Сильно, как кувалда.

Он чувствовал себя совершенно оглушенным. В голове царило смятение. Сбивчивые, противоречивые мысли расплзались в разные стороны.

Что означало это письмо? Он что, действительно проиграл? Это первый и последний ответ от Реверди? Или напротив, несмотря на все оскорбительные слова, надежда еще сохранилась?

Он прочел письмо еще раз. Потом еще много раз. Наконец он понял: снаряд достиг цели. Аккуратные, филигранные буквы посылали ему знак ободрения. Да, он ошибся в форме, но убийца не захлопнул перед ним дверь.

Что вы в действительности знаете обо мне? Каковы ваши источники? Газеты? Документальные фильмы? Книги, написанные другими? Как можно понять личность, идя подобным путем?

Марк попытался перевести: «Если вы хотите узнать правду, дойдите до самых истоков. Задайте мне правильные вопросы». Он, безусловно, грешил излишним оптимизмом, но не мог заставить себя думать, что Реверди потрудился написать Элизабет только для того, чтобы обидеть ее. К тому же между строк ныряльщик запускал и приманку:

... знайте, что я сам, и только сам, выбираю свой абсолют, и другим людям это недоступно.

Этот человек не говорил: «Я невиновен». Он говорил: «Вы не понимаете». Разве это не способ возбудить ее любопытство? Марк чувствовал, как по его коже пробегает дрожь. Он был абсолютно уверен, что Жак Реверди – не простой серийный убийца, не просто человек с «навязчивой идеей убийства», каким его описал Эрик Шрекер.

За всеми убийствами крылось нечто общее.

Какой-то поиск.

Улыбка. Да, в конце концов он добился успеха. Любовая атака вызвала раздражение преступника, но при этом заставила его реагировать. И это письмо представляло собой приглашение покопаться поглубже, задать новые вопросы, не ограничиваться поверхностным наблюдением.

Не снимая перчаток, Марк взял пачку бумаги и ручку, выбранные им для Элизабет. Надо ответить немедленно. Пока свежи эмоции. Надо, чтобы Элизабет объяснила ему, что готова изменить свой метод, что готова просто выслушать, понять, позволить повести себя...

Но вначале – покаяться.

17

Париж, 10 марта 2003 г., понедельник.

Дорогой Жак!

Я только что получила ваше письмо. Я просто убита. Простите ли вы мне мою неловкость? Как я могла быть такой дурой? Я никак не хотела причинить вам вред. И еще меньше – оскорбить вас...

Я не подумала о проблеме перлюстрации. Должна признаться, что совершенно не знакома с правилами и процедурами, принятыми в малайских тюрьмах. Мне очень неприятно, что из-за моей манеры выразаться мои слова могли быть истолкованы как подтверждение еще не доказанных фактов. И тут я должна признаться в своем полном невежестве: я точно не знаю, на каком этапе находится следствие. Мои сведения ограничиваются тем, что я сумела найти во французской прессе.

Простите, простите, простите... Я ни в коем случае не хотела усугубить ваше положение перед лицом правосудия.

Однако позвольте мне объяснить вам глубинные причины моего обращения к вам. Я знала вас задолго до случившегося в Малайзии, а также и в Камбодже. Я знаю вас со времен ваших спортивных подвигов. Меня очень привлекает дайвинг: уже в восемь лет я смотрела и пересматривала «Голубую бездну». Я могла часами представлять себе, что значит ощущение глубины. Что можно испытать, погружаясь, не дыша, далеко за пределы, доступные обычному человеку. Уже в то время вы стояли на высшей ступени моей маленькой личной иерархической лестницы.

Сегодня вас обвиняют в убийствах. Вы не хотите говорить об этом: я уважаю ваше молчание. Но ваша личность не становится от этого более заурядной. Как ни парадоксально, поступки, в совершении которых вас сегодня подозревают, настолько далеки от ваших спортивных достижений, от вашего образа, проникнутого мудростью и покоем, что эта ситуация лишь усиливает мой интерес к вам. От этой гипотетической связи между синими глубинами и черной бездной, от невероятности перехода от добра ко злу у меня захватывает дух. Какой бы ни была правда, ваш путь, ваша судьба грандиозны.

Вот на что я надеюсь – мне следовало бы написать: вот на что я не смею надеяться. Чтобы вы доверили мне какие-то личные воспоминания, чтобы вы рассказали мне о каких-то событиях, запавших вам в душу. Все равно, о каких. Переживания, испытанные под водой. Воспоминания детства. Истории, связанные с Канарой... Все, что вы захотите, лишь бы эти слова стали началом какого-то обмена.

Ничто не может заставить вас написать мне. И у меня больше не осталось аргументов, чтобы убедить вас. Однако я уверена в одном: я могла бы стать для вас слушателем – другом, понимающим, внимательным. Речь больше не идет о студентке-психологе. Речь идет просто о молодой женщине, которая восхищается вами.

Никогда не забывайте, что я готова выслушать все. Только вы будете устанавливать пределы, границы для нашего общения.

Ведь бездны бывают самые разные.

И все они мне интересны.

В ожидании – трепетном – вашего ответа.

Элизабет

К концу письма Марк совершенно взмок.

Его руки в перчатках буквально плавилась. Он несколько раз переписывал текст, лихорадочно, изо всех сил сжимая ручку. Ему никак не удавался почерк. Но теперь перед ним лежало письмо: настоящее письмо от Элизабет, написанное от руки. Перечитывая его, он отметил патетику, чрезмерную сентиментальность. Может быть, следует еще подумать перед тем, как отправлять его? Нет, он решил оставить все как есть. Это первая, непосредственная реакция. И Реверди должен почувствовать ее спонтанность.

Смеркалось. Был уже шестой час. Марк и не заметил, как прошел день. Он не слышал телефона, не думал о внешнем мире. Теперь, по мере того, как в квартире становилось все темнее, у него нарастало чувство, что его тоже захлестывают черные волны. Он отдавал себе отчет, откуда взялось это неприятное ощущение: на несколько последних часов он действительно перевоплотился в Элизабет.

Кофе, не раздумывая, кофе. Он выбрал итальянскую смесь, достаточно крепкую, включил свой хромированный автомат. Горький запах эспрессо успокоил его. Он с наслаждением предвкушал, как горячий напиток проникнет в нутро и поможет ему вырваться из этого транса.

Он выпил одну порцию, сразу же приготовил вторую. С чашкой в руке снова вернулся к столу, уже успокоившись, и еще раз посмотрел на строчки, написанные рукой несуществующей женщины. Пот просочился через перчатки, оставил следы на листке. Тем лучше: Реверди тоже заметит эту деталь. И представит себе, как нервничала Элизабет. Может, даже решит, что она плакала? Тоже неплохо... Марк вдруг подумал: а не стоит ли надуть и это письмо? Нет! Тут речь идет уже не о соблазнении, а об экстренной помощи.

Он запечатал письмо, надел куртку, нашарил ключи и взял конверт: надо поторапливаться, пока не закрылась почта. Он решил отправить письмо с пометкой «срочное». Пускай это выдает нетерпение корреспондента. Пускай конверт привлечет внимание тюремщиков в Канаре. Ему наплевать. Он не может ждать ответа еще месяц, – если этот ответ вообще придет.

Марк не пошел на улицу Ипполит-Леба. Ему не хотелось наткнуться на Алена. Он предпочел почтовое отделение на улице Сен-Лазар, в южной части Девятого округа. Войдя в помещение, он задержал дыхание. Как и в тот раз, когда отправлял первое письмо, он чувствовал себя так, словно погружался в неизвестность. Но сейчас он преодолевал новый рубеж давления, он опускался в темные ледяные воды.

18

– *Gosor kuat sikit!* (Три сильнее!)

Жак Реверди стоял на коленях под палящим солнцем. Вооружившись железной щеткой и ведерком с жавелевой водой, он пытался стереть нестираемое: следы человеческого пота и жира, оставшиеся на одной из стен, окружавших тюремный двор. Следы, въевшиеся в бетон так же глубоко, как ракушки в камень. Несмотря на все его усилия, они даже не бледнели. Чтобы уничтожить их, следовало бы бурить, дробить, крошить камень отбойным молотком.

Раман смотрел на него сверху вниз. Ноги расставлены, руки сжимают ремень. Он бормотал ругательства сквозь сжатые губы, обещая, что скоро подкрепит свои слова дубинкой.

Реверди оставался безразличным. Его не задевали ни оскорбления, ни физическая боль. Он думал о куске стекла. Слова и удары проходили через него, как свет проходит через стекло. В такие моменты он превращался в призму, разлагавшую спектр собственных реакций, отсекавшую те из них, которые могли бы его ослабить: стыд, боль, страх...

– *Celaka punya mat salleh!* (Белый ублюдок!)

Удар ноги по ребрам. Кожа горела так, что он едва почувствовал новую боль. Страдание, разлитое в воздухе, смягчило новый удар. Реверди бросил взгляд через плечо. Раман снова принялся отмерять шаги вокруг него. Он сжал зубы, снова взял щетку и мысленно представил себе портрет человека, встречи с которым пытался избежать с момента прибытия в Канару.

Абдалла Мадхубан Раман, пятидесяти двух лет, отец пятерых детей, мусульманин-фундаменталист, настоящая quintessence деспотичности и садизма. Еще в Камбодже Реверди сталкивался с жестокими надзирателями. С охранниками, считавшими грубость неотъемлемой составляющей своей работы. Раман не имел ничего общего с этой умеренной разновидностью тюремщиков. Чужие страдания возбуждали малайца. Он жаждал их. Это был самый настоящий психопат, более опасный, чем все убийцы, содержащиеся в Канаре, вместе взятые.

Кроме малайской, в его жилах текла и тамильская кровь. На его черном лице выделялся нос с крупными, как у быка, ноздрями. Зрачки были еще чернее лица, в целом же его приплюснутое лицо, изборозженное глубокими морщинами, напоминало лицо австралийского аборигена.

Негодяй был высок – почти метр восемьдесят пять, редкий рост для Малайзии, и, несмотря на жару, постоянно носил темную куртку с галунами, схваченную в талии ремнем, из-под которого ее полы расходились жесткими складками. С ремня свисал целый набор оружий устрашения – пистолет, электрическая дубинка, граната со слезоточивым газом, ключи... Рассказывали, что он выбил одному заключенному глаз ключом от последней двери – той, что вела на волю.

Религиозный фанатик, член запрещенной секты «аль аркам», Раман был в то же время гомосексуалистом, причем пребывающим в состоянии постоянного возбуждения. Эрик предупреждал об этом Жака, но оказалось, что аппетиты Рамана превосходили самые худшие ожидания. Мерзавец думал только о сексе. Его окружала банда единомышленников – тюремщики той же сексуальной ориентации, любители накачанных мышц и боевых искусств. Жесткие извращенцы, любившие мучить людей и разбивать им лица в кровь, которым Раман «платил» свежей плотью. Крики, доносившиеся по вечерам из душевых, приводили в ужас всех заключенных. Но Эрик ошибался: жертв там не насиловали. Их просто избивали до потери сознания. После этого тюремщики, опьяненные запахом крови, совокуплялись друг с другом.

В такие моменты главный мучитель первым выходил из проклятого строения, покачиваясь, ослепленный солнцем и угрызениями совести. Все в ужасе наблюдали за ним издали, ожидая новых репрессий.

– Стой! – рывкнул Раман за его спиной. – На сегодня хватит.

Жак отлично понимал, что его статус западной звезды обеспечит ему особый режим. Сегодняшний утренний наряд ознаменовал собой начало развлечений.

– Завтра займешься другой стеной, – распорядился охранник, подходя поближе. Взгляд его угольно-черных глаз обежал двор. – Не желаю больше видеть ни одного пятна от пота на этих чертовых стенах!

Реверди встал и посмотрел в глаза тюремщику. Потом прошептал по-малайски:

– Один-ноль не в твою пользу, приятель.

Раман моментально выхватил дубинку и ударил Реверди по обнаженному телу. Тот едва успел согнуть руку, чтобы защитить ребра.

– Здесь счет веду я!

Реверди не опустил глаза. Раман снова поднял дубинку, потом внезапно улыбнулся, показав неестественно-белые зубы, словно придумав какое-то новое жестокое развлечение.

– В тот день, когда тебя повесят, ублюдок, ты уже ни на кого не сможешь так пялиться. Тебе натянут на голову колпак, и это будет последнее, что ты увидишь.

Жак медленно покачал головой:

– А ты знаешь, что у повешенных встает, как у козлов? То-то пососешь тогда, лапочка.

На его тело обрушился новый удар. В последнюю секунду Реверди отпрянул в сторону, и удар пришелся во впадину плеча. Левая ключица хрустнула. Боль пронизала его наискосок, дошла до лопатки. Он отступил, пошатнулся, но не упал. На глаза навернулись слезы, но он небрежным жестом бросил щетку в ведро:

– Обещаю, когда я выйду отсюда, ты уже не будешь обладать такой властью.

Раман нажал было кнопку, посылающую электрический разряд в дубинку, но остановился. К ним приближались другие заключенные. Они не сводили глаз с охранника и француза. Ими владело ощущение смутной надежды. Все замерли в ожидании дуэли на высшем уровне, между двумя мужчинами, двумя гигантами – Белым и Черным.

Но охраннику хватило ума не брать на себя подобный риск. Он повесил дубинку на пояс и молча удалился. Его шаги звучали так хрустко, так механически, что казалось, ноги у него одеревенели. По мере того, как он отходил, его силуэт растворялся в белом мареве.

Одиннадцать часов утра.

Жак поднимал гантели, чувствуя при каждом движении ту же боль. Ключица: сломана или нет? Пытаясь найти ответ, он продолжал поднимать камни. Он хотел заглушить одну боль другой, той, которую он провоцировал сам, истязая собственные мышцы.

Его окликнул чей-то голос. Реверди сразу прекратил тренировку, вытянул руки, лежа на скамье. Интересно, кто это осмелился потревожить его в такой момент? Он напряг мышцы, медленно положил гантели на подставку и сел, истекая потом.

Tengku.

Реверди должен был бы догадаться, что это именно он. Только этот мальчишка мог быть настолько глуп, чтобы прервать его в самый разгар физических упражнений. Слово *tengku* в малайском языке обозначает королевское происхождение – родственную связь, пусть даже дальнюю, с одним из девяти султанов страны. Хаджа Элае Тенгу принадлежал к семье султана Перака. В Канаре он сидел за контрабанду наркотиков. При задержании у него нашли четыреста граммов героина. Вообще-то члена королевской семьи не могли посадить в тюрьму. Один телефонный звонок уладил бы проблему. Но на сей раз отец решил преподать урок сыну, оставив его на несколько месяцев гнить в Канаре. Жестокий способ отучить от дури.

– Я тебе помешал? – спросил он по-английски.

Реверди, не отвечая, взял свою футболку. Когда он стал натягивать ее, его снова пронзила острая боль. Ключица сломана, это точно. Вот черт!

Хаджа уселся перед ним на горячий цементный пол. Это был изящный, длинношей молодой человек с кожей цвета меди. Он имел дипломы нескольких английских университетов, но из-за наркотиков совсем спятил. Его глаза, выпуклые, как у страуса, неподвижно смотрели в одну точку. Казалось, они изучали какой-то невидимый мир.

– Чего ты хочешь?

– Я хотел бы...

Тенгку запнулся.

– Рожай!

Реверди не мог допустить, чтобы какая-то часть его самого оказалась сломанной – испорченной. Он уже представлял себя с рукой на перевязи. Наконец Хаджа решил:

– Сколько ты возьмешь за то, чтобы защищать меня?

– Защищать тебя? От кого?

– От китайцев. От филиппинцев.

– Почему тебя беспокоят китайцы? Ты – их лучший клиент.

Желая наказать сына, отец Хаджи не сумел просчитать всего. В смысле наркотиков, Канара оказалась настоящим раем для юного аристократа. Тем более что мать потихоньку пересылала ему довольно крупные суммы.

– Я... У меня предчувствие. Это долго не протянется.

– Почему?

– Если отец обнаружит, что мать мне присылает деньги, я...

Хаджа замолчал, не докончив фразу. Всегда казалось, что он не произносит последние слова, а глотает их. Реверди почувствовал, как в нем нарастает раздражение: этот наркоман напомнил ему Ипох и заключенных, зомбированных лекарствами.

– А если у тебя больше не будет денег, как ты сможешь со мной расплатиться?

– Я мог бы... Ну... Я мог бы стать твоей...

Реверди понял, почему он опустил глаза: застеснялся. Он встал со скамьи:

– Ты не в моем вкусе, лапочка! Если я когда-нибудь и стану тебя защищать, то не ради денег и не ради твоей задницы.

– А ради чего?

– Потому что я, быть может, так решу. Вот и все. Исчезни.

Папенькин сынок, не трогаясь с места, бросил на него презрительный взгляд. Несмотря на свою хрупкость, на свой птичий вес, он по-прежнему вел себя как аристократ. Реверди повысил голос:

– Исчезни, я сказал!

Наркоман ретировался, семена по асфальту, как мышка на тонких лапках.

Прозвучала сирена, зовущая на переключку. Одиннадцать тридцать. В этот момент он понял истинную причину своего плохого настроения. Дело не в сумасшедшем малайце. И не в сломанной ключице. И даже не в ощущении постоянно нависшей угрозы, разлитом в тюрьме. Нет, дело в девчонке. В Элизабет. Вот что его занимало.

Против собственной воли он ждал ее письма. Сегодня должен был прийти Джимми, и он уже волновался при мысли о том, что тот ничего не принесет. Его терзала эта зависимость. Как можно цепляться за подобные мелочи?

Джимми выглядел замечательно. Он вкладывал в это дело всю душу и, казалось, постоянно ждал, что «клиент» вознаградит его готовностью к сотрудничеству. Жака даже не успели приковать к полу, а он уже начал:

– Неделя была очень плодотворной. Рыбаки отказались выдвигать обвинения против вас. Вообще-то я предложил им сделку: если они не будут свидетельствовать, вы не подадите жалобу. О том, что они пытались убить вас, все забудут. Торг удался.

Жак не перебивал его, позволяя ему наслаждаться собственной ловкостью.

– Это еще не все. Я обнаружил серьезную ошибку, допущенную в процедуре вашего ареста. В сумятице полицейские не зафиксировали обстоятельства задержания в письменном виде. Кроме того, в центральном комиссариате вы не сделали никаких признаний. Это – определяющий фактор для малайского правосудия. В протоколе вас просто не существует. В настоящее время я изучаю все законы и...

– У тебя есть письма?

Он удалился в свою нору.

Во время обеда душевые были пусты. Он прошел вдоль умывальников и забился в одну из кабинок, как школьник, который прячется, чтобы покурить.

Число писем, пришедших на его имя, почти удвоилось, но он вытащил из пачки только одно. Он сразу же узнал почерк. Округлые гласные, удлиненные петельки «в» и «д». Она торопилась отправить новое письмо. Так что и на другом конце цепочки чувствовалось нетерпение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.